

БЛОК В ПОЭЗИИ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

Вступительная статья и публикация Ю. М. Гельперина

Авторы стихотворений (тексты и библиография): А. Г., Вл. Агатов, Никандр Алексеев, Арсений Альвинг, Иннокентий Анненский, Павел Антокольский, Н. Арго, Н. Н. Асеев, Семен Астров, Анна Ахматова (8), Н. С. Ашукин, Э. Г. Багрицкий, К. Д. Бальмонт (3), А. Бать, М. А. Бекетова, А. Э. Беленсон, Андрей Белый (6), А. Бельский, В. Н. Беляев, Николай Бернер, Н. С. Берендгоф (2), Е. А. Благинина, Л. Д. Блок, Л. Бородин, Н. Л. Браун (2), Е. Брусиловская, Л. П. Брюллова, В. Я. Брюсов, Вл. Буйницкий, Борис Бурштын, Арк. Бухов, Ник. Бучинский, Ю. Н. Верховский (3), Максимилиан Волошин, Вал. Волошинов, Вал. Вольпин, Е. Д. Волчанецкая, Г. Ж. (2), А. В. Ганзен, Эммануил Герман, Вл. Гейштор, Мих. Герасимов, М. Гинзбург, Вас. В. Гиппиус (2), Вл. В. Гиппиус (6), З. Н. Гиппиус (7), Андрей Глоба, Яков Годин, Э. Ф. Голлербах, Нина Гончарова, Сергей Городецкий (8), Яков Городской, Модест Гофман (2), Н. В. Грушко, С. Дионесов, Б. Дикс, Степан Емелин, Татьяна Ефименко, Н. Захаров-Мянский, В. К. Звягинцева (5), В. А. Зоргенфрей (2), Вяч. Иванов (5), Г. В. Иванов, Рюрик Ивнев, Евг. Изаксон, А. Исбах, Ник. Истомин, В. В. Каменский, В. Каплун, Н. Качалов, В. Т. Кириллов, Александр Китаев, Н. А. Кляев (2), В. Н. Ключева, Борис Ковынев, Мих. Козырев, Б. И. Коплан, Геннадий Коренев, А. С. Кочетков, А. Крайский, С. Д. Кржижановский, А. А. Кублицкая-Пиоттук, Наталья Кугушева, Е. Ю. Кузьмина-Караваева (3), Л. Кунин, Б. Курдиновский (2), Ангелис Лбовский, Вл. Лебедев, Борис Леонтьев (2), Н. О. Лернер (2), К. А. Липскеров, Lolo (Л. Г. Мунштейн) (3), Ал. Луганский, А. В. Луначарский (2), Ник. Лухманов, М. М., Серафима Мадатова, С. К. Маковский, О. Э. Мандельштам, В. В. Маяковский, В. А. Меркурьева (2), Ольга Мочалова, Лев Мурогин, Ник. Навеский, Анатолий Налъ, Вл. Нарбут, неизвестные авторы (6), Евгения Никольская, И. А. Новиков (3), О. Н., Вл. Отроковский, Н. А. Оцуп (2), В. Павлов, Н. А. Павлович (50), Н. Н. Панов, Мария Папер, В. Я. Парнах, Е. Г. Полонская, П. П. Потемкин (2), А. А. Прокофьев (2), Вл. Пяст (2), Сергей Рафалович, Л. М. Рейснер, Степан Родионов, В. А. Рождественский (2), Ю. Росимов, Н. Рошупкина, Леонид Рутковский, Георгий Рыбинцев (2), Б. А. Садовской, И. И. Садофьев, Нина Саковская, Дмитрий Самсон, Виссарион Саянов, Игорь Северянин (2), Леонид Семенов, Александр Сергеев, В. В. Сирин (2), А. Д. Скалдин (2), Скиталец (С. Г. Петров), Вл. В. Смирнский (2), Е. Смолин, Федор Смородский, Сергей Соловьев (8), П. С. Соловьева (Allegro), Федор Сологуб (2), Сергей Спасский, Виктор Стражев (3), А. Сумароков (3), П. С. Сухотин (3), Виктор Третьяков, Кондратий Тупилов, С. Н. Тутолмина, Борис Ушаков, Г. С. Фиш, Семен Фомин, Арсений Формаков (2), Ив. Хуртин, Мария Цветаева (18), Дм. Цензор (16), А. Цуккер (2), Саша Черный (2), Вс. Е. Чехихин, К. И. Чуковский, Г. И. Чулков (3), Вадим Шершеневич (28), Ф. Шипулинский, М. М. Шкапская (4), Евг. Шкляр, С. В. Штейн, И. Шумский, В. А. Щеголева (3), Эллис (Л. Л. Кобылинский), Атана Юрим, Петр Юркин (3), Е. Янтареv

Нет нужды доказывать, что стихи, посвященные современниками выдающемуся поэту, представляют собой в совокупности ценный материал для понимания взаимосвязей поэта с эпохой и для характеристики самой эпохи в динамике ее мироощущения.

Первым в нашем литературоведении серьезным опытом составления свода стихотворений, посвященных одному поэту, были работы В. Каллаша¹, собравшего стихи русских поэтов (не только, впрочем, современников) о Пушкине; критический разбор этих работ и ценные дополнения к ним сделал впоследствии И. Розанов². Что касается Блока, то первая попытка учесть стихи, ему посвященные, предпринята лишь в Библиографии 1980 г.³; однако в ней учтены только некоторые опубликованные стихотворения, и, естественно, за ее пределами остались неизданные тексты.

Обращает на себя внимание уже само количество стихов, посвященных Блоку. В нашей публикации учтено свыше 380 текстов, принадлежащих более чем 180 авторам. Едва ли кто из русских поэтов до Блока утомлялся от современников такого количества посвящений (Каллаш и Розанов собрали около 500 текстов, посвященных Пушкину, но речь идет о стихотворениях поэтов разных поколений, написанных в течение всего XIX в., а не только о стихах современников Пушкина).

Среди авторов адресованных Блоку стихотворений — близкие друзья и незнакомые люди, большие поэты и незначительные стихотворцы. Чем объясняется объем этого массива текстов? Едва ли дело только в том, что с конца 1900-х годов число стихописателей в России стало необычайно умножаться («Стихи можно огнем мерить пудами и фунтами», — писал Блок еще в 1908 г. — V, 646). Эпоха была богата крупными (и шумными) поэтическими именами, однако ни одно из них не стоит так часто в виде посвящения над стихами, как имя Блока.

По-видимому, это знак того, что в читательском восприятии Блок чем-то принципиально отличался от остальных поэтов-современников.

В стихотворении, поднесенном Блоку во время одного из его московских выступлений 1920 г., автор, обозначивший себя инициалами Г. Ж., так определяет это отличие:

Холодный Брюсов остро точит
Свою рассчитанную сталь;
Бальмонта стих, как гром, грохочет,
Как вешний ливень, кроет даль.

Воспев хаос и тьму оплакав,
Ты, Городецкий, солнцу рад,
Как древний жрец в венке из маков
Вершишь таинственный обряд.

Ты, грустный Бунин, в темном поле
Встречаешь позднюю весну...
Вы все равны в высокой доле,
Вы все слились в струю одну.

Но есть один, кого всецело
Поймут лишь там, в седой дали...
Он стал у крайнего предела,
А звезды — чуть видны с земли ⁴.

В этих слабых стихах — голос целого поколения, которое видело в Блоке выразителя собственных порывов к «крайнему пределу», собственных невятно-возвышенных чаяний. В формировании романтически-максималистского мировосприятия у русской молодежи предреволюционной поры поэзия Блока участвовала самым существенным образом.

Один из младших современников, критик «левой», футуристической ориентации, так писал в некрологе Блока: «Целая эпоха неразрывно связана с Блоком. Его звуками звучала душа ее, вибрациями души его вибрировала она и видениями его духа заселяла она трепетный сумрак своего городского, тревожного и смятенного бытия. И эта неразрывность Блока с жизнью всего поколения, эта связанность с нею, это и есть, быть может, самое значительное, что можно сказать о нем» ⁵.

Поэты русского символизма весьма заботились о своей репутации в глазах читателя. Каждый из них сознательно культивировал какое-то определенное «амплуа»: Брюсов был «диктатором», законодателем вкусов; Вяч. Иванов — «мистагогом»; Бальмонт — «стихийным гением»; Сологуб — «волхвом»; Белый — «Кассандрой», непонятым пророком. А Блок был *просто поэтом*, т. е. воплощал в себе не один аспект поэзии, а всю ее целиком. «Слова (...) «поэт» и «Блок» были почти что синонимами», — вспоминал Владимир Пяст ⁶.

Так и обращались к Блоку стихотворцы-современники: как к полномочному представителю поэзии. Отсюда и огромное количество этих обращений.

Стихотворный портрет — равно как и портрет живописный — всегда основан на сложном взаимодействии между художником и моделью, всегда заключает в себе наряду с чертами модели черты самого художника. «Если разные художники пишут портреты с одной и той же головы, то на самом деле возникают картины, несходные по содержанию: мы видим индивидуально различные головы. Если бы какое-нибудь чудо оживило их, это были бы совершенно различные личности, и ни одна из них, вероятно, не совпала бы с моделью» ⁷. Необходимо, однако, помнить, что в разных портретах, написанных с одного лица, будет и существенный элемент сходства, некий общий знаменатель. В стихотворениях очень различных авторов, посвященных Блоку, таким общим знаменателем является концепция поэзии как подвига, как героического и жертвенного служения, пример которого современники видели именно в Блоке.

Блоку не было нужды хлопотать о своем поэтическом облике в глазах современников. Этот облик был настолько выразителен, что ни в какой дополнительной характеристике не нуждался. Ю. Н. Тынянов писал вскоре после смерти Блока: «Его уже окружает легенда, — и не только теперь, — она окружала его с самого начала, казалось даже, что она предшествовала самой поэзии Блока, что его поэзия только развила и дополнила постулированный образ. В образ этот персонифицируют все искусство Блока; когда говорят о его поэзии, почти всегда за поэзией невольно подставляют человеческое лицо — и это лицо, а не искусство полюбили все»⁸.

К этим словам можно добавить, что Блок выделялся среди поэтов-современников и привлекал их к себе не столько отчетливостью своего литературного облика, сколько контрастом между этой отчетливостью и почти беспредельной многозначностью содержания своей поэзии. «Строй находить в нестройном вихре чувства» (III, 27) — так формулировал Блок задачу лирического поэта. Явление искусства тем значительнее, чем острее в нем контраст между необозримостью выражаемого и зримой четкостью выражения. Образ Блока, встающий из его стихов, воспринимался современниками как произведение искусства, обладающее очень высокой контрастностью этого рода. Такое восприятие отразилось и в стихах о Блоке: например, у Вяч. Иванова — «мрамор Праксителя//Дыханьем Вакховым ожил»; у Ахматовой в «Поэме без героя» — «твердый профиль» и «плоть, почти что ставшая духом», у Бальмонта — «Чрез плоть и явь, где четкость зрима, //Туда, где вызвездилась мгла». Ср. также в этой связи эпизод из воспоминаний Конст. Федина о беседе с Горьким, в которой последний характеризовал современных писателей: «Когда дошли до Блока — «Горький» остановился, не подыскал слова. Нахмурился, пошевелил пальцами, словно нащупывая. <...> поднял голову, провел рукой широко от лица к ногам:

— Он такой...

И потом, когда уходил я и заговорили опять о Блока, повторил широкий жест свой, и неотделимыми от жеста казались два слова:

— Он такой...»⁹.

Именно в силу безграничности блоковского поэтического универсума поэты-современники не только находили свое в обширном «поэтическом хозяйстве» Блока, но и «вчитывали» в его поэзию собственные умонастроения и концепции. Можно предположить, что нередко обращение поэта к темам и образам, ощущавшимся им как блоковские, мотивировалось намерением посвятить стихотворение Блоку, вступить с ним в диалог.

Интересный пример такого диалога, в котором участники обмениваются «репликами» не один раз, а дважды, являет собой обмен стихотворными посланиями между Блоком и «декадентом первого призыва» Владимиром Гиippiусом (Вл. Бестужевым). Каждый из поэтов говорит о своем, и «ответ» идет, в сущности, мимо вопроса. В цикле из четырех стихотворений, служащем ответом на стихотворение Блока «Да, знаю я: провзили ночь от века...», Гиippiус выстраивает своего рода модель пути поэта-символиста, как он его понимает, — от восторженно-чувственного и эгоистического приятия мира:

Я осязаю мир так явственно и властно,

Так чувственно — до дна,

Что — вот сгорию в одной мечте бесстрастной —

От счастья и вина...

через разочарование и раздвоенность:

Так мы живем — и буйно отрицаем,

И буйно верим мы,—

И все с горящим сердцем умираем,

Томясь сознанием тьмы... —

к обретению новой цельности в постижении того,

<...> что есть одно на свете,

Что есть одна любовь;

Что мы дрожим в замедленном рассвете,

Удерживая кровь;

Что зреет хлеб в родимых колыбелях,

Заваянных в снегах...

Ты не ослеп, — ты зарыдал в метелях, —

Ты встретишь ночь в звездах!¹⁰

Характерно это «ты» в последних строках, которое может быть истолковано и как обращенное к Блоку, и как адресованное автором самому себе. Тютчевский стоицизм автора, подчеркнутый прямой цитатой из Тютчева («ночь в звездах») ¹¹, лишь отдаленно схож с мироощущением Блока; но автор полагает, что мыслит одинаково с Блоком — это подчеркнуто и амбивалентным «ты», и полустышнем «ты зарыдал в метелях», представляющим собой явный «знак» блоковской поэтики. Характерно и то, что именно в диалоге с Блоком непохожий на него поэт формулирует свое кредо. Блок, по-видимому, побуждал поэтов-современников к анализу собственного пути, к более четкому «самоопределению». Самый автор итер Блока был в большой мере обусловлен его исключительной и все время совершенствовавшейся способностью к безжалостно-честному, свободному от позы и «игры ума» самоанализу.

Первая слава Блока была камерной, эзотерической. Молодые поэты начала века, облакавшие свое предчувствие «неслыханных перемен» в термины соловьевской эсхатологии, обращались в стихах к Блоку как к собрату по избранности, созерцателю и вестнику грядущей в мир новизны. Таковы стихи Андрея Белого, Сергея Соловьева, Леонида Семенова. В них уже заключено зерно легенды о Блоке.

По мере того как росла известность Блока, расширялся и круг стихотворцев, для которых Блок превращался в особую поэтическую тему. В эпоху «неистинного мистического похмелья» (III, 296), наступившего вслед за первой русской революцией, меняется и тон поэзии Блока, и встающий из нее образ поэта. Восторженный провозвестник светлых перемен становится падшим ангелом, «демоном поверженным», обретает роковую двойственность. Таким видит в ту пору Блок самого себя:

Такой любви
И ненависти люди не выносят,
Какую я в себе ношу.

(«Вольные мысли», 1907; II, 298)

таким видят его в те же годы и поэты-современники — Иннокентий Анненский, Вячеслав Иванов, да и юный Осип Мандельштам, в коротком шуточном экспромте очень точно сформулировавший общее для того времени представление о Блоке.

Поэтическое поколение, пришедшее в литературу на рубеже 1900-х — 1910-х годов, отчетливо осознало Блока первым из живущих русских поэтов. При этом для значительной части поколения Блок вовсе не был учителем стиховорства; напротив, блоковский стих и сам блоковский тип лиризма воспринимался многими среди литературной молодежи как нечто, подлежащее преодолению. Вот характерное для такой позиции высказывание: «Его (Блок а) влияние громадно как влияние абстрактной идеи, тончайшей математической формулы. <...> Но подражать Блоку, его полутонам, его лирике, выросшей без света и воздуха, его любви, затерянной в сером, холодном небе, — невозможно и бесполезно» ¹². Впрочем, и влияние блоковского стиха, как ни отталкивались от него молодые, оставалось мощным. Наблюдательный критик отмечал в 1914 г. «почти поголовный блокизм» молодых поэтов ¹³. А в 1921 г. Маяковский писал в известной статье памяти Блока: «Некоторые до сих пор не могут вырваться из его обвораживающих строк — взяв какое-нибудь блоковское слово, развивают его на целые страницы, строя на нем все свое поэтическое богатство» ¹⁴.

Все же прежде всего Блок был для поэтической молодежи 1910-х годов духовным ориентиром, образцом высоты и чистоты духа, подобающей поэту. «Лучшим из людей» назвал Блока вовсе не сочувствовавший его литературной позиции Гумилев ¹⁵.

Тогда же, в 1910-е годы, легенда о Блоке, возникшая в давно распавшемся юношеском кружке единомышленников, выходит в читательскую толпу, неизбежно при этом вульгаризируясь. Этому парадоксальным образом способствует растущее литературное одиночество Блока, его отчуждение от «текущей литературы», журнальных и газетных полемик, межгрупповых и внутригрупповых распрей. Для читателя стихов Блок становится поэтом, стоящим над литературной современностью, «живым классиком», и тем легче совершается в читательском сознании подмена реального и непростого поэта — упрощенным стереотипом, олеографическим образом голубоглазого и золотокудрого «рыцаря Прекрасной Дамы».

В революционные годы этот стереотип лег преградой между Блоком и частью его недавних поклонников. Мы умышленно употребили здесь это слово. «Поклонники», т. е. восторженные и нерассуждающие почитатели, бывают чаще у модных певцов, чем у больших поэтов. («Мы не тенора», — сказал однажды Блок Анне Ахматовой¹⁶). Но именно у Блока — точнее, у расхожего стереотипа Блока — было много таких поклонников и поклонниц, отождествлявших с его лиризмом свой собственный вялый и беспредметный лиризм. В их кругу слава Блока были как раз сродни славе «тенора»; и в первые месяцы 1918 г., когда появились «Двенадцать», когда Блок призывал «слушать революцию», этот круг в большинстве своем от него отвернулся — недоуменно или озлобленно.

Впрочем, Блок, полагавший, что «дело поэта вовсе не в том, чтобы достучаться непременно до всех олухов» (VI, 165), едва ли огорчался этой потере; скорее, он видел в ней закономерность, «своего рода возмездие» (VI, 57).

И все-таки «обожание» Блока обнаружило редкую стойкость. «Пленный пилигрим», «гений ласковых призывов» — так именуют Блока авторы стихов, поднесенных ему во время московских выступлений 1920 г. И вершинная точка этого «обожания» — поток стихов на смерть Блока в 1921—1922 гг. В основе большинства этих стихов — одни и те же мотивы раннего Блока: «снежные маски», «незнакомки», «ночные фиалки» и проч. «Мечтательный поэто-рыцарь», «рыцарь бледный», «седого утра странник одинокий», «Прекрасной дамы вдохновенный паж», «весь он был — вечернее нежное пламя» — вот наудачу взятые характеристики Блока в этих стихах. В 1916 г. Блок написал на присланных ему графоманских упражнениях некоего Петра Юркина: «какой ужас пошлости»¹⁷. Эта надпись применима и ко многим «излияниям», возложенным на могилу Блока.

К счастью, были и другие стихи, более достойные памяти покойного; среди них можно назвать стихотворения М. Волошина, Э. Германа, С. Спасского и ряда других авторов, не говоря уже о благородно-сдержанном надгробном слове Анны Ахматовой («А Смоленская нынче именинница...»), которое авторитетный исследователь определил как «своего рода духовный стих, выражающий народное горе о кончине поэта»¹⁸. Дело даже не в том, что эти стихи «чисто литературно» лучше тех, о которых шла речь выше. Дело в ином подходе к Блоку — подходе, чуждом рыхлого прекраснотушия и безвольной томности, мужественном подходе, основанном на осознании жизни и смерти Блока как трагедии. В таких стихах — начало понимания Блока, которого при жизни большинство современников любило, в сущности, непонимающей любовью.

В 20-е годы блоковская тема в поэзии почти иссякает. Здесь, конечно, сыграл свою роль ходячий стереотип: понимаемый в его духе Блок выглядел «сусальным ангелом», явлением завершенным и отжившим, чуждом изменившейся действительности, не очень нужным современному человеку. В частности, и у Маяковского в известном отрывке из поэмы «Хорошо» о встрече с Блоком сказывается такое понимание: «Кругом тонула Россия Блока — незнакомки, дымки севера...»¹⁹. Прошло немалое и непростое время, пока было понято, что «Россия Блока» к этому отнюдь не сводится.

Среди стихов, посвященных в позднейшие годы памяти Блока его младшими современниками (иные из них дожили почти до наших дней), выделяются стихотворения Бориса Пастернака и Анны Ахматовой. В них нет уже, конечно, ни тени лжеромантического шаблона; их главная черта (при всех различиях в понимании блоковского творчества у обоих поэтов) — осмысление Блока в историческом контексте, как одного из тех, кто и свидетельствует об эпохе, и формирует ее облик и смысл в глазах потомков.

Пастернак и Ахматова фактически завершают тему «Блок в поэзии современников». Более широкая тема «Блок в русской поэзии» не завершена и, надо думать, никогда не завершится.

* * *

Идеальной формой для нашей публикации было бы напечатание *всех* известных составителей текстов стихотворений современников о Блоке. Ведь эти тексты, при всей их разноречивости и разнокачественности, слагаются в единство, составляя своего рода веночек великому поэту. Однако недостаток места вынуждает напечатать полностью тексты лишь тех стихотворений, которые представляются наиболее ценными или наиболее характерными для определенного подхода к Блоку. В отношении остальных текстов мы ограничиваемся лишь библиографическими или архивными отсылками. При отборе текстов,

приводимых полностью, сознательно не проводилась дифференциация между текстами достаточно известными, малоизвестными (печатавшимися лишь однажды в редких изданиях) и вовсе не печатавшимися. Мы стремились к тому, чтобы отобранные для напечатания тексты обеспечили достаточно наглядную картину того, как отразился образ Блока в поэзии его современников. Если бы мы ограничились только неопубликованными и забытыми текстами, эта картина потеряла бы в полноте и выразительности. Мы полагаем, что сопоставление известных текстов с заново вводимыми в оборот (многие из которых так или иначе ориентированы на эти известные тексты и перекликаются с ними) придает публикации в целом характер нового материала.

Основным признаком, дававшим основание учесть тот или иной текст в нашей публикации, было прямое авторское посвящение Блоку. Учтены, однако, и не снабженные посвящением тексты, в отношении которых достоверно известно, что они обращены к Блоку.

Не учтены в публикации многочисленные стихотворения с эпиграфами и прямыми реминисценциями из Блока, поскольку вопрос о литературном бытовании блоковских текстов не тождествен вопросу об отражении в поэзии образа Блока и подлежит особому рассмотрению. За пределами нашей публикации остались, кроме того, пародии и эпиграммы на Блока, также требующие особого рассмотрения; они относительно полно учтены в Библиографии «Русские советские писатели. Поэты», 3, ч. 2, М. 1980 (с. 300—303).

Наконец, мы не учитывали иноязычных стихотворных текстов, посвященных Блоку: эти тексты гораздо логичнее рассматривать в рамках вопроса о рецепции Блока за пределами русской культуры.

При определении круга авторов мы исходили из того, что современниками Блока можно считать поэтов, которые при жизни Блока были или могли быть его читателями, т. е. родились не позднее 1905 г.

Собранный материал распределен по трем разделам: I. Стихотворения, посвященные Блоку при его жизни (в хронологическом порядке); II. Стихотворные отклики на смерть Блока (в алфавитном порядке авторов); III. Позднейшие стихотворения современников о Блоке (в хронологическом порядке).

В библиографических сведениях указывается, как правило, лишь первая публикация стихотворения (во многих случаях единственная); если публикация не обнаружена, указывается место хранения рукописи.

За помощь в работе составитель приносит сердечную благодарность Р. Д. Тименчику, Н. В. Котрелеву, К. А. Кумпан, А. Е. Парнису и Л. М. Турчинскому.

¹ В. В. Каллаш. Русские поэты о Пушкине. СПб., 1899; В. В. Каллаш. *Ruschkiniana*. Вып. 2. Киев, 1903, с. 101—420.

² Иван Розанов. Пушкин в поэзии его современников. — ЛН, 16-18, М., 1934, с. 1024—1042.

³ Русские советские писатели — Поэты. Библиографический указатель, т. 3, ч. 2. М., 1980, с. 291—303.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 513.

⁵ Виктор Ховин. У могилы поэта. — «Книжный угол», 1921, № 7, с. 1.

⁶ Вл. Пяст. Встречи. М., 1929, с. 13.

⁷ Б. Христиансен. Философия искусства. СПб., 1911, с. 289.

⁸ Ю. Тынянов. Блок и Гейне. — Сб. «Об Александре Блоке», Пб., 1921, с. 240.

⁹ К. Федин. Ал. Блок. — «Книга и революция», 1921, № 1; цит. по изд.: «Судьба Блока». Л., 1930, с. 235.

¹⁰ «Гиперборей», 1912, № 2, с. 5—8.

¹¹ См.: Ф. И. Тютчев. Полн. собр. стихотв., т. I. М. — Л., 1933, с. 246.

¹² Л. Храповицкий «Лариса Рейснер». Через Ал. Блока к Северянину и Маяковскому. — «Рудин», 1916, № 7; цит. по изд.: Лариса Рейснер. Избранное. М., 1965, с. 495.

¹³ Владислав Ходасевич. <Рец. на книги:> М. Сандомирский. Марина Маминек; Б. Кушнер. Семафоры. — «Русские ведомости», 1914, № 127, 4 июня.

¹⁴ В. Маяковский. Умер Александр Блок. — «Агит-РОСТА», 1921, № 14, 10 августа.

¹⁵ Надежда Павлович. Воспоминания об Александре Блоке. — «Блоковский сб.», 1, с. 473. См. также наст. кн., с. 529.

¹⁶ Анна Ахматова. Воспоминания об Ал. Блоке. — «Звезда», 1967, № 12, с. 186.

¹⁷ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 478.

¹⁸ В. М. Жирмунский. Анна Ахматова и Александр Блок. — В кн.: В. М. Жирмунский. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977, с. 352.

¹⁹ В. Маяковский. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1958, с. 266.

I. СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ БЛОКУ ПРИ ЕГО ЖИЗНИ (в хронологическом порядке)

Сергей Соловьев. «Измучен жаждой сладострастья...» (Посвящается А. А. Б.).— ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 1, л. 83 (датировано: Дедово, 1898 г., 16 августа).

Сергей Соловьев. «Истертый в прах, подавлен миром...» (Посвящается А. А. Б.).— Там же, л. 97 об. (датировано: Дедово, 1899, 13 июня).

Сергей Соловьев. К Дездемоне. Посвящается А. А. Б. («Где ты, мой идеал, блуждающий далеко...»).— Там же, л. 98 об. (датировано: Дедово, 1899, 20 августа).

Андрей Белый. Блоку 1. «Один, один средь гор...» (Сентябрь 1901); 2. «Из-за дальних вершин...» (Май 1901); 3. «Суждено мне молчать...» (1903).— Андрей Б е л ы й. Золото в лазури. М., «Скорпион», 1904, с. 243—246.

Из-за дальних вершин
показался жених озаренный.
И стоял он оди́н,
высоко над землей вознесенный.

И лишь света поток
над горами вознесся сквозь тучи.
Он стоял, как пророк,
в багрянице, свободный, могучий.

Извещалось не раз
о приходе владыки земного.
И в предутренний час
запылали пророчества снова.

Вот идет. И венец
отражает зари свет пунцовый.
Се — вечанный телец,
основатель и бог жизни новой.

Май 1901. Москва

Это стихотворение написано Белым до личного знакомства с Блоком и даже до того, как Белый впервые прочитал его стихи. «Он» этого стихотворения — это, конечно, не реальное лицо, а эсхатологический символ. Адресование стихотворения Блоку — одно из проявлений той мифологизации жизни, которая составляла в начале 1900-х годов важную сторону духовной деятельности Белого и группировавшегося вокруг него кружка «аргонавтов». См. об этом в поэме Белого «Первое свидание» (1921), а также в его воспоминаниях о Блоке и позднейших книгах мемуаров; см. также работу А. Лаврова «Мифотворчество „аргонавтов“» (сб. «Миф — фольклор — литература». Л., 1978, с. 137—170).

Андрей Белый. Опала. Посвящается А. А. Блоку («Блестящие ходят фигуры...») (Апрель 1903).— Андрей Б е л ы й. Золото в лазури. М., «Скорпион», 1904, с. 63—65.

Андрей Белый. Полунощницы. Посвящается А. А. Блоку («На столике зеркало, пудра, флаконы...») (1903).— Андрей Б е л ы й. Золото в лазури. М., «Скорпион», 1904, с. 72—75.

Валерий Брюсов.

МЛАДШИМ

Они Ее видят! Они Ее слышат!
С невестой жених в озаренном дворце!
Светильники тихое пламя колышат,
И отсветы радостно блещут в венце.

За окнами свет, непонятный и желтый,
Но в небе напрасно ищу я звезду...
Дойдя до ворот, на железные болты
Горячим лицом приникаю — и жду.

А я безнадежно бреду за оградой
И слушаю говор за длинной стеной.
Голодное море безумствовать радо,
Кидаясь на камни, внизу, подо мной.

Там, там, за дверьми — ликование свадьбы,
В дворце озаренном с невестой жених!
Железные болты сломать бы, сорвать бы!..
Но пальцы бессильны, и голос мой тих.

1903

«Ежемесячные сочинения», 1903, № 4, с. 242, под заголовком «За оградой» и с эпиграфом: «Там жду я Прекрасной Дамы. А. Блок». Вошло в сборник Брюсова «Urbi et orbi» (М., 1903, с. 167) — с новым заглавием и без эпиграфа.

«Младшие», которым адресовано стихотворение, — это символисты второго поколения, чей мистицизм и эсхатологические чаяния были для Брюсова неприемлемы. По свидетельству П. П. Перцова (П. П е р ц о в. Брюсовское стихотворение «Младшим» (Из литературных воспоминаний).— «Тридцать дней», 1939, № 10/11, с. 127), это стихотворение Брюсов написал сразу же после разговора с ним о стихах Блока. Блок ответил Брюсову стихотворением «Ночная молитва» («Тебе, Чей сумрак был так ярок...»; I, 317), напечатанным лишь несколькими годами позже (альманах «Белые ночи», 1907, с. 15); эпиграфом к нему поставлена первая строчка брюсовского стихотворения. В письме Брюсова к Блоку от ноября 1904 г. — очевидное сходство с мотивами этого стихотворения: «Дайте мне

быть только слагателем стихов, только художником в узком смысле слова, — все большее довершите вы, молодые» (см. I, 629).

Ср. также письмо С. М. Соловьева к Блоку от августа—сентября 1903 г. (наст. том, кн. 1 — «Блок в переписке с С. М. Соловьевым»).

Леонид Семенов.

А. А. БЛОКУ

Не спи, но спящих не буди. Мелькнут заветные страницы,
Завтра выйди на крыльцо, Зардятся копыя на горе.
Надень венчалное кольцо
И обратив к заре лицо
Молись и жди.

И он веселый и победный
В передраассветной тишине
От вражьих ран смертельно бледный
Проскачет мимо на коне.

И вот с востока на заре
Промашут огненные птицы,

15.XII.03

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 397.

Леонид Дмитриевич Семенов-Тянь-Шанский (1880—1917) — поэт, университетский товарищ Блока. Подробнее о нем см. выше в наст. книге («Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях»).

Сергей Соловьев. А. А. Блоку. 17 августа 1903 г. («Откровений шумный свиток...»). — «Лит. обозрение», 1980, № 10, с. 97 (см. также наст. том, кн. 1 — «Блок в переписке с С. М. Соловьевым»).

Сергей Соловьев. 17 августа 1903 г. 1. «Грех бессилен. Смерть мертва...»; 2. «Ликуй, Исайя, ликуй!» — Наст. том, кн. 1 («Блок в переписке с С. М. Соловьевым»); второе стихотворение опубликовано (не полностью) в кн.: В. О р л о в. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1978, с. 167.

Сергей Соловьев. «Раскрылась вечности страница...» (Август 1903). — Наст. том, кн. 1 («Блок в переписке с С. М. Соловьевым»).

Зинаида Гиппиус. Песня о голоде («Хата моя черная, убогая...») (1904 г., посвящается А. Блоку). — «Современные записки», 1925, № 25, с. 243.

Федор Смородский. Александру Блоку. («В твоих глазах когда-то...») 26 ноября 1904 г.). — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 403, л. 1.

Зинаида Гиппиус. Она. А. А. Блоку («Кто видел Утреннюю. Белую...») (1905). — Зинаида Г и п п и у с. Собр. стихотв., кн. 2. М., «Мусагет», 1910, с. 72.

Зинаида Гиппиус.

ВОДОСКАТ

А. А. Блоку

Душа моя утрюмая, угрозная,

Живет в оковах слов.

Я — черная вода, пенноморозная,

Меж льдяных берегов.

Ты с бедной человеческою нежностью

Не подходи ко мне.

Душа мечтает с вещей безудержностью

О свеговом огне.

И если в мглистости души, в иглистости

Не видишь своего, —

То от тебя ее кипящей льдистости

Не нужно ничего.

1905

Зинаида Г и п п и у с. Собр. стихотв., кн. 2. М., «Мусагет», 1910, с. 81.

С Зинаидой Николаевной Гиппиус (1869—1945) у Блока было многолетнее, сложное и напряженное духовное общение, которое то укреплялось, то доходило до грани разрыва — и, наконец, полностью прекратилось в 1918 г. на почве диаметрально противоположного отношения Блока и Гиппиус к революционным событиям. В 1923 г. Гиппиус опубликовала мемуарный очерк о Блоке «Мой лунный друг»; в этом очерке рассказано, в частности, следующее об истории посвящения Блоку приведенного выше стихотворения, равно как и других, вошедших в ту же книгу:

«Раз он [Блок] пришел, — на столе лежала рукопись второй книжки моих стихов, приготовленная к печати. Блок стал смотреть ее, очень внимательно (хотя все стихи он уже знал давно).

Я говорю:

— Хотите, А. А.? Выберите, какие вам больше нравятся, я вам их посвящу.

— Можно? Очень хочу.

Долго сидел за столом. Выбрал несколько, одно за другим. Выбрал хорошие или плохие, — не знаю, во всяком случае те, которые мне были дороже других».

Зинаида Гиппиус. Гроза. А. А. Блоку («Моей души, в ее тревожности...») (1905). — Зинаида Гиппиус. Собр. стихотв., кн. 2. М., «Мусагет», 1910, с. 90.

Сергей Городецкий. Поэт. Александру Блоку. 1. «Высокую башню построил...»; 2. «Приполз к белой башне...»; 3. «Трубу к устам твоим...» (Сентябрь 1905). — Сергей Городецкий. Ярь. Стихи лирические и лиро-эпические. СПб., 1907, с. 112—115 (см. также наст. том, кн. 2 — комментарий к письмам Городецкого к Блоку).

Я. Гордин. Царица. А. Блоку («Здесь, за тканями жду царицу я...») (4 ноября 1906). — «Газета Шебуева», 1906, № 1, с. 6.

Андрей Белый.

А. А. БЛОКУ

Я помню — мне в дали холодной
Твой ясный светил ореол,
Когда ты дорогой свободной —
Дорогой негаснущей шел.

Былого восторга не стало.
Все скрылось: прошло — отошло.
Восторгом в ночи проплывало
Мое огневое чело.

И мы потухали, как свечи,
Как в ночь опускался закат.

Забыл ли ты прежние речи,
Мой странный, таинственный брат?

Ты видишь — в пространствах бескрайних
Скрыта заветная цель.

Но в пытках, но в ужасах тайных
Ты брата забудешь — ужель?

Но, милый, не верю в потерю:
Не гаснет бескрайняя высь.
Молчанью не верю, не верю.
Не верю и жду: отзовись.

7 декабря 1906. Париж

«А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 181 (с сокращениями); полный текст — Андрей Белый. Стихотворения и поэмы. М. — Л., 1966, с. 470.

В 1906 г. отношения Белого с Блоком переживали глубокий кризис, порожденный причинами и личного, и мировоззренческого характера; этот кризис особенно обострился после выхода в свет (апрель 1906 г.) лирической драмы Блока «Балаганчик», которую Белый расценил как измену Блока их общим мистическим устремлениям (см. в наст. томе вступительную статью к публикации «Дневниковые записи Андрея Белого о Блоке»).

В. Дикс (Б. А. Леман). Пастель. А. Блоку («По старинным залам, угрюмым и пустынным...»). — «Золотое руно», 1906, № 7—9, с. 115 (см. также комментарий к письму Г. Городецкого к В. Пясту от 11 мая 1906 г. — наст. кн., «Блок в неизданной переписке и дневниках современников»).

Георгий Чулков. Весною — на север. А. А. Блоку («Медленно двигались темные тени...»). — «Золотое руно», 1906, № 11-12, с. 48—49 (см. также комментарий к письму Г. И. Чулкова к Н. Г. Чулковой от 4 ноября 1907 г. — наст. кн., «Блок в неизданной переписке и дневниках современников»).

Л. Д. Блок. «Зачем ты вызвал меня...» (Около 1907 г.). — В кн.: В. Орлов. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1978, с. 314.

Модест Гофман.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

Ты, живой, умирал среди мертвых,
И казалось, что живы они.
На губах твоих бледных, истертых
Зажигались, горели огни.

Призывал ты Прекрасную Даму
И в ответ слышал смех Арлекина.
И сквозь белую, снежную гамму,
Улыбаясь, прошла Коломба.

И обвеяло холодом стали,
И метель закружила снегами,

И далекие близкими стали, —
Третий, снежный, возник между нами.

Третий — Смерть из снегов возникала,
Огненным поцелуем ласкала.

И в груди твоей жизнью восстала —
Смертью снежной смерть побеждала.

И в слепительном белом сиянии,
В ризах светлых воскресных чертогов,
В замиравшем от счастья дыхании,
Ты, Воскресший, восстал для восторгов.

19. I. 1907

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 28.

Модест Людвигович *Гофман* (1887—1959) — литературовед, пушкинист; в 1900-х годах активно выступал как поэт символистской ориентации, был членом литературного «Кружка молодых», в который входили по преимуществу студенты Петербургского университета. Выпустил книги стихов «Кольцо. Тихие песни скорби» (1907) и «Гимны и оды» (1910), а также философскую брошюру «Соборный индивидуализм» (1907). Под редакцией Гофмана вышла «Книга о русских поэтах последнего десятилетия» (1909). «Блок часто ходил (...) к Модесту Гофману — искать у него поддержки. Тот умел очень мягко влиять на таких смятенных посетителей, сделавшихся почти что его пациентами» (В. П. Я с т. Встречи. М., 1929, с. 127—128; замечание мемуариста относится как раз к 1907 г., когда написано данное стихотворение).

В стихотворении Гофмана очевидна перекличка с мотивами «Снежной маски» Блока; как раз в январе 1907 г. создавались (и читались на «башне» у Вяч. Иванова) стихотворения этого цикла. Впоследствии Блок подарил М. Гофману наборную рукопись «Снежной маски» (см.: Модест Гофман. Петербургские воспоминания. — «Новый журнал», Нью-Йорк, 1955, № XVIII, с. 121).

Иван Новиков. Александру Блоку («Душа Марии — белый сон...») (25 декабря 1907). — Собрание М. И. Новиковой-Прииц (Москва). См. комментариев на с. 582.

Георгий Чулков. «И вновь ты уходишь во мрак...» — Альм. «Белые ночи», СПб., 1907, с. 67 (в составе цикла стихотворений «Месяц на ущербе»; Блок изображен в стихотворении под именем «монаха»). Стихотворение, как и весь цикл, обращено к Л. Д. Блок — см.: В. О р л о в. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1980, с. 324).

Иннокентий Анненский.

К ПОРТРЕТУ А. А. БЛОКА

Под беломраморным обличьем андрогина
Он стал бы радостью, но чьих-то давних грез.
Стихи его горят — на солище георгина,
Горят, но холодом невыстраданных слез.

⟨1908 ?⟩

Иннокентий А н н е н с к и й. Стихотворения и трагедии. Л., 1959, с. 219.

Стихотворение не печаталось ни при жизни Иннокентия Федоровича Анненского (1856—1909), ни при жизни Блока. Оно вошло в наборный оригинал «Посмертных стихотворений» Анненского (Пг., 1923), но в тексте книги не появилось. Как отмечается в комментариях к указанному выше изданию, «портретом», к которому написано четверостишие, является, вероятно, портрет Блока работы К. А. Сомова, репродуцированный в «Золотом руне» (1908, № 1). К этому следует прибавить, что снимок с этого портрета был тогда же выпущен в виде почтовой открытки Общиной св. Евгении, выпускавшей многочисленные открытки с воспроизведениями работ художников «Мира искусства». Ср. у Анненского в статье «О современном лиризме»: «Напечатанные на карт-постальных черты (Блока) являют нам изящного Андрогина» («Аполлон», 1909, № 2, с. 7; *Андрогин* (греч. миф.) — существо, воплощающее единство мужского и женского начал).

Блок был одним из первых, кто отметил появление Анненского в литературе и высоко оценил уже первую его книгу «Тихие песни» (см. его рецензию на эту книгу — V, 619—621). В свою очередь, и Анненский внимательно и сочувственно следил за деятельностью Блока, о чем свидетельствует упомянутая выше статья «О современном лиризме». Впрочем, разница в возрасте и мироощущении не позволила обоим поэтам стать друзьями и литературными союзниками. Подробнее об отношениях Блока и Анненского см. вступительную заметку Р. Тименчика к публикации писем В. Анненского-Кривича к Блоку в наст. томе, кн. 2.

Татьяна Ефименко. А. Блоку («Я знаю: за рамой оконной...») (19 февраля 1908 г.) — ЦГАЛИ, ф. 2259, оп. 1, ед. хр. 2, л. 95.

А. Скалдин. Голгофа. А. А. Блоку («У желтой будки водопойной...») (Декабрь 1908). — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 401 (датируется по письму автора к Блоку от 5 апреля 1910 г. — там же).

Саша Черный.

«Я обращаюсь к писателям, художникам, устроителям с горячим призывом не участвовать в деле, разлагающем общество...»

А. Блок («Вечера «искусств»)

Молил поэта
Блок-поэт:
«Во имя Фета
Дай обет —
Довольно быть с эстрады
Гнусавые баллады!
Искусству вреден
Гнус и крик,
И нищ и бледен
Твой язык.
А publicum гогочет
Над тем, кто их морочит». Поэт на Блока
Заворчал:
«Merci! Урока
Я не ждал!
Готов читать хоть с крыши
Иль в подворотной нише!

Мелькну, как дикий,
Там и тут,
И шум и крики
Все растут,
Глядишь — меня в итоге
На час зачислят в боги.
А если б дома
Я торчал
И два-три тома
Наточал,
Меня б не покупали
И даже не читали...
Был в этом споре
Блок сражен.
В наивном горе
Думал он:
«Ах! Нынешние Феты
Как будто не поэты...»

«Межа», СПб., 1908, № 3, 3 ноября, под заглавием «Александр Блок, умоляющий братьев-писателей». В отдельном издании «Сатир» Саши Черного (СПб., 1913, с. 87) — без заглавия, в разделе «Литературный цех».

Саша Черный (Александр Михайлович Гликберг, 1880—1932) — поэт-сатирик, наиболее известный из поэтов, объединявшихся вокруг журнала «Сатирикон». Стихотворение является сочувственным откликом на статью Блока «Вечера „искусств“» («Речь», 1908, 27 октября; V, 304—308). В 1921 г. Саша Черный опубликовал стихотворение памяти Блока (см. библиографическую отсылку ниже в наст. публикации).

Вячеслав Иванов.

БОГ В ЛУПАНАРИИ

Александру Блоку

Я видел: мрамор Праксителя
Дыханьем Вахвовым ожил,
И ядом огненного хмеля
Налилась сеть бескровных жил.
И взор бесцветный обезумел
Очей божественно-пустых,
И бога демон надоумил
Сойти на стогна с плит святых —
И, по тропам бродяг и пьяниц,
Вступить единым из гостей

В притон, где слышны гик и танец
И стук бросаемых костей,
И в мире смрадной ясновидеть,
И, лик узнав, что в ликах скрыт,
Внезапным холодом обидеть
Нагих блудниц воскресший стыд,
И, флейту вдруг к устам приблизив,
Воспоминая чаровать,
И, к долу горнее принизив,
За непонятым узывать.

1909

«Золотое руно», 1909, № 2-3, с. 79, под заглавием «Deus in lupanari». Стихотворение вошло в сборник Вяч. Иванова «Cor ardens» (М., 1911, т. I, кн. 2, отдел «Пристрастия», с. 141—142). Оно как бы подводит итог тому периоду, когда Блок был частым гостем на «башне» Вяч. Иванова. Этим стихотворением — одним из лучших среди посвященных Блоку современниками — «мифотворец» Иванов внес очень важный вклад в формирование легенды о Блоке. В то же время он стихотворно зафиксировал определенное представление о Блоке, сложившееся в литературном кругу и в немалой мере совпадающее с тем образом поэта, который встает из стихов «второго тома». Стихотворное послание Блока «Вячеславу Иванову» имело в первоначальном варианте подзаголовок «Ответ», т. е. было задумано именно как отклик на «Бога в лупанарии» (см. III, 549). Однако в окончательном варианте послания (1912, напеч. в 1914; III, 141) связь с этим стихотворением Иванова почти не ощущается.

Аркадий Бухов. Блоку («Я, как и ты, забыл минувшее...»). — «Венок». Альманах под ред. Н. Шебуева. М., 1909, с. 1—2.

П. Потемкин. «Я буду очень откровенным...» (Октябрь 1909). — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 510 (датируется по содержанию: упомянутое в тексте стихотворение Блока «Равенна» было впервые прочитано автором в заседании Общества ревнителей художественного слова в октябре 1909 г. — см.: «Судьба Блока», Л., 1930, с. 139—140).

П. Потемкин. «Я много выпил влаги винной...» (Ноябрь 1909). — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 510 (записано на обороте приглашения на выставку К. Петрова-Водкина в редакции «Аполлона»; выставка открылась 14 ноября 1909 г.).

Николай Бернер. А. Блоку («Золотые корабли заката...») (1910). — ГБЛ, ф. 386 (Брюсов), к. 55, № 16, л. 7.

Сергей Городецкий.

От трактирной, друг мой, стойки	Мглу какая тройка мечет
Отвоздись!	С-под подков?
И от давней перепойки	Лучше нас послушать сбрую
Протрезвись.	Поучи,
Счастьем дал удрать на тройке, —	А ду-душу-ду глухую
Вновь гонись.	Отучи
И какой же это лепет	Пья-пьяную такую
Бубенцов?	Пить в ночи.
И какой трактирщик пишет	Лесной
Счет веков?	Сухой 1-й. 10-й г.
	<1 марта 1910>

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 224, л. 67.

О Сергее Митрофановиче Городецком (1884—1967) и его отношениях с Блоком см. подробно в наст. томе, кн. 2 — предисловие и комментарии к публикации его писем к Блоку.

Рукопись стихотворения стилизована под журнальную страницу: над текстом — колонетитул: «116 — Александр Блок — № 1», под текстом — рисованная виньетка.

В стихотворении Городецкого использованы мотивы стихотворения Блока «Я пригвожден к трактирной стойке...» (III, 168). *Сухой* — название месяца марта по древнерусскому календарю, которым в то время пользовался Городецкий; в письме к Блоку от 14 мая 1910 г. он предлагал обучить Блока этому календарю (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 224, л. 58). *Лесной* — пригород Петербурга, где жил тогда Городецкий.

Борис Садовской.

КРЫЛЬЯ

Александр Блоку

В груди поэта мертвый камень	Ты мчался солнечной пустыней,
И в жилах синий лед застыл,	И солнце не сожгло огня.
Но вдохновение, как пламень,	Так. От земли, где в мертвом прахе
Над ним взвевает ярость крыл.	Томится косная краса,
Еще ровесником Икара	Их огнедышащие взахи
Ты полюбил священный зной,	Тебя уносят в небеса.
В тиши полуденного жара	Но только к сумрачным пределам
Почувяв крылья за спиной.	С высот вернешься ты, и вновь
Они завились над бездной синей	Сожмется сердце камнем белым,
И понесли тебя, храня.	И льдом заголубеет кровь.

4 апреля <1910>. Одесса

Борис Садовской. Пятьдесят лебедей. СПб., 1913, с. 46.

Борис Александрович Садовской (Садовский) (1881—1952) — поэт, прозаик, критик; в ранний период творчества стремился сочетать модернизм с неоклассическими тенденциями, ориентируясь на поэтику Брюсова; впоследствии декларировал переход на анти-модернистские позиции (см. сборники его статей «Озимь», 1915, и «Ледоход», 1916), критикуя поэтов-современников с позиций несколько утрированного и стилизованного «лите-

ратурного староверия». Блок высоко оценил книгу Садовского «Русская Камена» (1910) — сборник очерков о русских поэтах XIX в. (см. письмо Блока к Садовскому от 6 октября 1910 г. — VIII, 321—322), а в 1912 г. рекомендовал его в качестве сотрудника во вновь создаваемую газету «Русская молва». В дневнике Блока есть ряд сочувственных, хотя и сдержанных, упоминаний о Садовском (см., напр., VII, 186). Садовскому посвящено стихотворение Блока «Шар раскаленный, золотой...» (1912; III, 200). Воспоминания Садовского о Блоке опубликованы посмертно: «Звезда», 1968, № 3. Переписку Блока с Садовским см. в наст. томе, кн. 2. См. также о Садовском выше в наст. кн. («Блок в неизданной переписке и дневниках современников»).

Е. Янтарева <Бернштейн>. Молитва (Подражание А. Блоку) («Приходили ночью серые люди...»). — Е. Янтарева. Стихи. М., 1910, с. 31.

Н. Арго <П. Б. Файвишевич>. В степи. Ал. Блоку («Тянется пыльная лента дороги...»). — «Весна», 1911, № 22, с. 9.

Юрий Верховский.

А. БЛОКУ В ДЕРЕВНЮ

Укрывшись в тихой подмосковной
И позабыв людскую ложь,
Свой день улыбкою любовной
Начав, — для жизни ты живешь.

Себе, вдали от скуки финской
Доволен жизненным трудом,
Не правда ли, — как Боратынский,
Ты перестраиваешь дом?

А может быть, в заботе пылкой,
Чтоб вовремя свести лесок, —
Как он, ты занят лесопилкой
И счетом бревен и досок.

Иль, чужд уныния и лени,
Под кровом ласковых небес
Для новых, дальних поколений,
Как он, ты сеешь новый лес.

И если б медленно тучей
Твой день порой заволокло, —
То мыслью стройной и могучей
Не проясняется ль чело?

И вновь привычно ищут руки
Непринужденного труда,
Как охранителя от скуки,
Вождя — в грядущие года.

Труды житейские не сложны,
Но с жизнью нас мирят они.
И с ними будут ли ничтожны
Судьбой отсчитанные дни?

И с ними сам те дни неволью
Не позабудешь ли считать?
Жизнь, как река, течет раздольно
Туда, где моря благодать.

7 августа 1911

Впервые — III, 546—547.

Юрий Никандрович Верховский (1878—1956) — поэт, историк литературы, переводчик. Придерживался «неоклассической» ориентации, хотя и тяготел к модернистам. Много занимался изучением пушкинской эпохи, в частности творчества А. А. Дельвига, которому посвятил особую монографию (Ю. Верховский. Барон Дельвиг. Пб., 1922); влияние «антологической» поэзии Дельвига сказалось и на оригинальном творчестве Верховского. Приведенное стихотворение — ответ на послание Блока «Юрию Верховскому» («Дождь мелкий, разговор неспешный...», 1910; III, 138) — при жизни автора не публиковалось, хотя, по свидетельству Верховского (письмо к Л. Я. Гуревич от 28 апреля 1913 г. — ИРЛИ, 19847/СХХХV б 4, № 3), «у нас (т. е. у Блока и Верховского) была даже мысль напечатать оба послания вместе». Несколько неожиданная параллель «Блок — Боратынский», развернутая скорее в бытовом, чем в поэтическом плане, объясняется, по-видимому, тем, что Верховский как раз в эти годы усиленно занимался изучением биографии Боратынского (см.: Ю. Верховский. Е. А. Боратынский. Материалы к его биографии из Татевского архива. Пг., 1916).

Авторский комментарий к этому стихотворению см. в позднейшем (1947) очерке Верховского «В память Александра Блока. Орывочные записи, припоминания, раздумья» (опубликован посмертно — «Дружба народов», 1980, № 11; сокращенная публикация — «Литературная Россия», 1980, № 48, 28 ноября).

О взаимоотношениях Блока и Верховского см. также выше в наст. книге («Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях»).

...для жизни ты живешь — цитата из стих. Пушкина «К вельможе» (1830).

...судьбой отсчитанные дни — цитата из письма Онегина к Татьяне.

О. Мандльштам.

Блок	Рок
Король	И боль
И маг порока.	Венчают Блока.

10 декабря 1911

Впервые — в статье В. Пяста «Отрекшийся претендент» («Жизнь искусства». Пг., 1922, № 29, с. 5), где приписано поэту и литературоведу Вас. Вас. Гиппиусу. Перепечатано в книге воспоминаний Пяста «Встречи» (М., 1929, с. 256) с правильным указанием авторства.

Стихотворение является частью шуточного послания Блоку, сочиненного пятью литераторами (супругами Д. В. и Е. Ю. Кузьмиными-Караваевыми, В. Пястом, Вас. Гиппиусом и О. Мандельштамом), которые устроили 10 декабря 1911 г. в ресторане «Вена» импровизированные выборы «короля поэтов», каковым был избран Блок (тремя голосами против двух, поданных за Ф. Сологуба). В «Жизни искусства» Пяст среди авторов послания не называет Мандельштама, зато ошибочно упоминает В. М. Жирмунского («щеховой» поэт Ж., ныне молодой профессор поэзии). Эта ошибка представляется странной, поскольку все части послания подписаны авторами (см. полный текст послания в наст. томе, кн. 2).

Открытка с текстом послания была в тот же день отправлена Блоку (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 375, л. 14).

Приводимый экспромт является единственным стихотворным высказыванием Осипа Эмилевича Мандельштама (1891—1938) о Блоке. В прозе Мандельштам писал о Блоке неоднократно; ему принадлежит, в частности, статья «Барсучья нора» (О. М а н д е л ь ш т а м. О поэзии. Л., 1928, с. 57—60; впервые под заглавием «А. Блок» — «Россия», 1922, № 1, с. 28—29) — одно из наиболее глубоких высказываний поэтов-современников о поэзии Блока.

Блок относился к Мандельштаму (равно как и к большинству других акмеистов) скорее настороженно и с оттенком неприязни; лишь в дневниковой записи 1920 г., хотя и довольно сдержанной по тону, появляется высокая в устах Блока похвала по адресу Мандельштама: «... виден артист» (VII, 371).

Вопрос о соотношении поэтических систем Блока и раннего Мандельштама рассмотрен в книге П. Громова «А. Блок, его предшественники и современники» (М.— Л., 1966, с. 379—394).

Вас. Гиппиус. «Славься, Блок, певец наш ловкий...»; «Ты ль не сел на поэтический...» — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 375, л. 14 (в составе коллективного шуточного послания от 10 декабря 1911 г. об избрании Блока «королем поэтов»).

Е. Кузьмина-Караваева. «Каждый был безумно строг...» — там же.

В. Пяст. «Ах ты Блок, ты мой Блок...»; Диалог (мы и Блок) («После Цеха, после Академии...») — там же (см. также: В. П я с т. Встречи. М., 1929, с. 256).

В. Пяст. Поэма в вояжах. М., «Пегас», 1911, с. 10—11; то же — альб. «Сирин», 1913, т. 2, с. 224—225 (Блок описан под именем «хозяина»; ср.: В. П я с т. Встречи. М., 1929, с. 105).

Мария Папер. Роза (Александру Блоку) («Тонкая девушка с длинной косой...»). — Мария П а п е р. Парус. М., 1911, с. 55.

Вл. Бестужев <Вл. Вас. Гиппиус>

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

...Оттуда ринутся лучи.

Ты думаешь — они оттуда ринутся?

Мне кажется, что — нет:

Но в час назначенный все опрокинуты —

Все зримые в незримый свет —

Незримый свет, который в зримом стелется,

Струится и молчит;

Он вдруг заговорит, — и все изменится,

Все неизменное в истоме лет!

Ты понял ли, что все уже известное

Лишь неизвестно нам, —

Что мы идем в стране уже прелестной,

Но горестной очам,

Что мы струимся в самом сердце мира, —

Но мир еще не наш...

Что мы заждались в самом буйстве пира

Заветных чаш!

1912. Февраль

«Гиперборей», СПб., 1912, № 2, ноябрь, с. 3.

Владимир Васильевич Гиппиус (1876—1941) — поэт, связанный с ранними петербургскими модернистами (Александром Добролюбовым и Иваном Кочевским); печатался под псевдонимами «Вл. Бестужев» и «Вл. Нелединский». Долгое время преподавал русскую литературу в Тенишевском училище (об этой стороне его деятельности: О. М а н д е л ь ш т а м. Шум времени. Л., 1925, с. 76—84; В. Н а б о к о в. Другие берега. Нью-Йорк, 1954, с. 170, 208). Брат А. В. Гиппиуса (1878—1942), одного из ближайших друзей Блока в университетскую пору (см. переписку Блока с ним в наст. томе, кн. 2).

Это стихотворение — отклик на стихотворение Блока «Все на земле умрет — и мать, и младость...» (1909; III, 189). Блок ответил Гиппиусу стихотворением «Да, знаю я провизили ночь от века...» (23 марта 1912 г.; III, 140); Гиппиус в свою очередь ответил Блоку

циклом из четырех стихотворений (см. библиографическую отсылку ниже, а также предисловие к наст. публикации). И ответ Блока, и цикл Гиппиуса опубликованы в том же номере «Гиперборея», что и приведенное стихотворение (кстати, ни тот, ни другой поэт больше в этом журнале не участвовал). В 1915 г. Блок получил от Вл. В. Гиппиуса его брошюру «Пушкин и христианство» (Пг., 1915; вышла под настоящей фамилией автора) и в благодарственном письме к автору критически отозвался о замысле и терминологии книги, но одобрил «многие конкретные наблюдения над Пушкиным» (VIII, 448).

Вл. Бестужев <Вл. Вас. Гиппиус>. Александру Блоку. Ответ. 1. «Таинственно люблю — и знаю сладость в розах...»; 2. «Да, все признать! и безрассудно верить...»; 3. «Но мы забыли чувственную прелесть...»; 4. «Да, все признать!.. любить с тоской призрачной...» (1912, апрель). — «Гиперборей», СПб., 1912, № 2, ноябрь, с. 5—8.

Вячеслав Иванов.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

1.

Ты царским поездом назвал
Заката огненное диво.
Еще костер не отпылал,
И розы жалят: сердце живо.

Еще в венце моем горю.
Ты ж, Феба список снежноликий,
Куда летишь, с такой музыкой,
С такими кликами?.. Смотрю

Не легкий поезд твой — с испугом
Восторга! Лирник-чародей,
Ты повернул к родимым выюгам
Гиперборейских лебедей!

Они влекут тебя в лазури,
Звончатым отданы браздам.
Через мрак — туда, где молкнут бури,
К недвижным ледяным звездам.

Вячеслав И в а н о в. Нежная тайна. СПб., «Оры», 1912. с. 11—13.

Оба стихотворения являются ответом на послание Блока «Вячеславу Иванову» («Был скрипок вой в разгаре бала...»; 18 апреля 1912 г.; III, 141). Сборник «Нежная тайна», в котором они были впервые опубликованы, посвящен «Александру Блоку. Поэту». В первом стихотворении — переписка с последней строкой послания Блока:

А я, печальный, нищий, жесткий,
В час утра встретивший зарю,
Теперь на пыльном перекрестке
На царский поезд твой смотрю.

Николай Клюев.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

1.

Верить ли песням твоим —
Птицам морского рассвета,
Будто туманом глухим
Водная зыбь не одета?

Вышли из хижины мы,
Смотрим в морозные дали:
Духи метели и тьмы
Взморье снегами сковали.

Тщетно тоскующий взгляд
Скал испытует граниты, —
В них лишь родимый фрегат
Грудью зияет разбитой.

2.

Пусть вновь — не друг, о мой любимый!
Но братом буду я тебе
На веки вечные в родимой
Народной мысли и судьбе

Затем, что оба Соловьевым
Таинственно мы крещены;
Затем, что обручением новым
С Единою обручены.

Убрус положен на икону:
Незримо тайное лицо.
Скользит корабль по синю лону,
На темном дне горит кольцо.

Лето 1912

Долго ль обветренный флаг
Будет трепаться так жалко?...
Есть у нас зимний очаг,
Матери мерная прялка.

В снежности синих ночей
Будем под прялки жужжанье
Слушать пролет журавлей,
Моря глухое дыханье.

Радость незримо придет
И над вечерними нами
Тонкой рукою зажжет
Зорь незакатное пламя.

2.

Я болен сладостным недугом —
Осенней, рдяною тоской.
Нерасторжимым полукругом
Сомкнулось море надо мной.

Она везде, неуловима,
Трепещет, дышит и живет:
В рыбацкой песне, в свитках дыма,
В жужжаньи пчел и блеске вод.

В шуршании трав — ее походка,
В нагорном эхо — всплески рук,

И казематная решетка —
Лишь символ смерти и разлук.

Ее ли косы смоляные,
Как ветер смех, мгновенный взгляд...
О, кто Ты: Женщина? Россия? —
В годину черную собрат!

Поведай: тайное сомненье
Какою казнью искупить,
Чтоб на единое мгновенье
Твой лик прекрасный уловить?

<1912>

Николай К л ю е в. Сосен перезвон. М., 1912, с. 33—36.

В. Паст. Блоку («Лигейи нет. Обыкновенно...») (15 марта 1912). — «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 1, с. 8.

А. Скалдин.

А. А. БЛОКУ

Мне было тайно ваше слово
Поведано, и ныне я,
Как год назад, касаюсь снова
Загадочного бытия.

Мое приемлющее сердце
В тиши подсказывает мне,
Что вижу в вас единоверца,
Но все же я смотрю извне.

Какое малое оконце!
И Слово все ушло в слова.
А за окном так ярко солнце,
И к солнцу тянется трава.

Еще томит глухое бремя,
Что налагают шум и толк.
Но вижу День: Иное Время
Преобразит наш сирий полк.

И в мудрой стае лебединой
Мы вместе поплывем туда,
С путеводительной льдиной,
Где блещет рдяная Звезда.

О, брат! Когда из вод просветит
Сокрытое на дне кольцо,
Каким сиянием ответит
Твое влюбленное лицо!

1912

А. С к а л д и н. Стихотворения. СПб., «Оры», 1912, с. 43.

Алексей Дмитриевич Скалдин (1885—1943) — поэт и прозаик символистского круга. Выходец из крестьян; служил в Петербурге на высоких должностях в частных страховых компаниях. С Блоком познакомился зимой 1909—1910 гг. в Религиозно-философском обществе, впоследствии встречался с ним на «башне» Вячеслава Иванова. Известны 12 писем Блока к Скалдину, опубликованных с предисловием и комментариями адресата («Письма Александра Блока». Л., «Колос», 1925, с. 175—191). 15 ноября 1912 г. Блок записал в дневнике: «Скалдин (полтора года не видался; совершенно переменялся. Теперь это — зрелый человек, кующий жизнь. Будет — крупная фигура <...>» (VII, 179). Мистический роман Скалдина «Странствия и приключения Никодима Старшего» (Пг., 1917) вызвал неодобрительный устный отзыв Блока в разговоре с автором (см.: «Письма Александра Блока». Л., 1925, с. 181—182).

В послереволюционные годы Скалдин выступал в печати как критик и автор научно-популярных книг, но писал и автобиографическую прозу, которую читал в кругу друзей-литераторов (сообщено А. А. Тарковским). Эта проза, в которой могли быть и страницы о Блоке, осталась неизданной и, по-видимому, утрачена.

В последних двух строфах приводимого стихотворения можно отметить лексическое и интонационное сходство с посвященными Блоку стихотворениями Вяч. Иванова из сборника «Нежная тайна» (см. выше в наст. публикации). В начале 1910-х годов Скалдин был одним из ближайших к Вяч. Иванову людей; во время пребывания Иванова в Италии в 1912 г. он был его доверенным лицом в России и, в частности, держал за него корректуру «Нежной тайны».

Семен Астров. Из венка «Офелия». Чудо. Александру Блоку («Докучно улицы шумели...»). — «Молодой журнал», Одесса, 1913, № 1, с. 23—24.

Юрий Верховский. «Даль — очарована. И разочарованье...» Александру Блоку (1913). — Юрий Верховский. Стихотворения, т. 1. М., «Мусагет», 1917, с. 133 (датируется по письму Ю. Н. Верховского к Блоку от 7 февраля 1913 г., к которому приложено это стихотворение. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 195, л. 12—13).

ЛИТЕРАТУРНО-АРТИСТИЧЕСКИЙ ПЕТЕРБУРГ

В числе присутствующих писатели Л. Андреев, А. Аверченко, Ф. Сологуб, Ан. Чеботаревская и др.
Фотография, 1912

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Зинаида Гиппиус. Колодцы (Александру Блоку) — «Слова, рожденные страданием...» — «Сирин». Сборник третий. СПб., 1914, с. 30.

В. Зоргенфрей.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

... Имею на тебя то, что оставил ты первую любовь твою.

(Откровение) св. Иоанна)

Помнит месяц наплывающий
Все, что было и прошло,
Но в душе покорно тающей,
Пусто, звонко и светло.

Над землею — вьюга снежная,
В сердце медленная кровь,
Глубоко под снегом — нежная,
Позабятая любовь.

Скучно, скорбно дни истрачены,
Даль пределы обрела.
Сочтены и обозначены
Мысли речи и дела.

Эту жизнь, безмерно серую,
Я ли, живший, прокляну?
Нет, и мертвым сердцем верую
В позабытую весну.

Пусть истлела нить печальная
И сомкнулась пустота —
Ты со мной, моя начальная
И последняя мечта.

И легки пути тернистые,
Твой не страшен Страшный Суд.
Знаю, чьи уста лучистые
Приговор произнесут.

Тихо радость исповедую,
Память сердца озарю:
Приобщи твоей победою
К неземному алтарю.

Высоки врата престольные,
Тяжелы земные сны,
Но любви простятся вольные
И невольные вины.

Сентябрь 1913

В. Зоргенфрей. Страстная суббота. Пб., 1922, с. 31.

Вильгельм Александрович Зоргенфрей (1882—1938) — поэт, сатирик, переводчик немецкой поэзии, близкий друг Блока. Ему посвящено одно из знаменитейших блоковских стихотворений — «Шаги командора» (1912; III, 80). Зоргенфрей оставил содержа-

тельные воспоминания о Блоке («Записки мечтателей», 1922, № 6, с. 123—154). Единственная книга его лирики «Страстная суббота» посвящена «Благословенной памяти Александра Александровича Блока». Библиографию работ о Зоргенфрее и его отношениях с Блоком см. выше в наст. книге («Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях»).

Вл. Отроковский. «Всю жизнь я томилась рабою...» (6 февраля 1913).— ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 355 (в письме автора к Блоку, с пометой «Стихи, посвященные Вам»).

Лариса Рейснер.

БЛОКУ

Незнакомка не пришла.
Что ей выйти помешало
Из сурового бокала
Песен, вьюги и вина

Отчего ее одежды
Все случайней и мутней

В зеркале тлетворных дней
Изменяющих, как прежде

Как теперь запечатлеть
Скрытую толпой созвездий
Музу горестных возмездий,
Разучившуюся петь.

(1913?)

ГБЛ, ф. 245, карт. 1, ед. хр. 2, л. 21.

Лариса Михайловна *Рейснер* (1895—1926) — поэтесса и журналистка; об ее отношениях с Блоком см. в наст. томе, кн. 4.

Георгий Рыбинцев. Коломбина. Александру Блоку («Семнадцатая осень глухо отцвела...»).— Георгий Р ы б и н ц е в. Ожерелье из слез и цветов. М., 1913, с. 64.

Дмитрий Цензор. Тайнство земли. <Цикл из 15 стихотворений>. Александру Блоку.— Дмитрий Ц е н з о р. Легенда будней. СПб., 1913, с. 183—200.

Вадим Шершеневич. Маки в снегу. <Цикл из 28 стихотворений>. Александру Блоку посвящается.— Вадим Ш е р ш е н е в и ч. Carmina. М., 1913, с. 5—38.

Федор Сологуб.

Стихия Александра Блока —
Метель, взвивающая снег.
Как жуток зыбкий санный бег
В стихии Александра Блока.

Несемся — близко иль далеко?—
Во власти цепенящих нег.
Стихия Александра Блока —
Метель, взвивающая снег.

28 декабря 1913. Петербург

Федор С о л о г у б. Собрание сочинений, т. 17. Очарование земли. Стихи 1913 г. СПб., «Сирин», 1914, с. 211.

Творчество Федора Кузьмича Сологуба (1863—1927) неизменно привлекало внимание Блока и высоко им ценилось (см., напр., в рецензии 1908 г. на сб. Сологуба «Пламенный круг»: «В современной литературе я не знаю ничего более цельного, чем творчество Сологуба» — V, 284). Сологуб также высоко, хоть и не без оговорок, отзывался о Блоке как при его жизни, так и после смерти (см. эти высказывания в кн.: Федор С о л о г у б. Стихотворения. Л., 1975, с. 662, а также выше в наст. кн.— «Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях»). Впрочем, настоящей душевной близости между столь различными по мировосприятию поэтами не было.

А. Г. Александру Блоку («Я призванный поэт и анатом...») — «Весна», 1914, № 2, стлб. 103.

Анна Ахматова.

Ал. БЛОКУ

Ты первый, ставший у источника
С улыбкой мертвой и сухой,
Как нас измучил взор пустой,
Твой взор тяжелый — полуночника.

Но годы страшные пройдут,
Ты скоро будешь снова молод,
И сохраним мы тайный холод
Тебе отсчитанных минут.

Между 1912 и 1914

«Русская литература», 1970, № 3, с. 82 — в статье В. М. Жирмунского «Анна Ахматова и Александр Блок». Это первое по времени из стихотворений Анны Андреевны Ахматовой (1889—1966) о Блоке. Характерно в этом стихотворении «мы», произносимое автором, как видно, от имени всего «послеблоковского» поколения; можно предположить, что уже в те ранние годы Ахматова ощущала себя полномочной представительницей этого поколения перед лицом Блока да и всего символизма.

Анна Ахматова.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

Я пришла к поэту в гости.	У него глаза такие,
Ровно полдень. Воскресенье.	Что запомнить каждый должен,
Тихо в комнате просторной,	Мне же лучше, осторожной,
А за окнами мороз.	В них и вовсе не глядеть.
И малиновое солнце	Но запомнится беседа,
Над лохматым сизым дымом...	Дымный полдень, воскресенье
Как хозяин молчаливый	В доме сером и высоком
Ясно смотрит на меня!	У морских ворот Невы.

Январь 1914

«Любовь к трем апельсинам», 1914, № 1, с. 5, вместе со стихотворением Блока «Анне Ахматовой» («Красота страшна — вам скажут...»; III, 143). Об истории этой публикации см. в наст. томе, кн. 4. Ахматова оставила краткие воспоминания о Блоке («Звезда», 1967, № 12, с. 186—187); в них она, в частности, рассказывает о встрече с Блоком в декабре 1913 г., которой посвящено это стихотворение.

Мих. Герасимов. А. Блоку («Во взбаламученное море...») — «Современная женщина», Варшава, 1914, № 3, с. 52.

Наталья Грушко.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

В стране полунощной, где мертвые цветы
Венчают чьи-то тихие могилы,
Где нет людских шагов, лишь ветр гудёт уныло,
Среди снегов почнешь мирно ты.

Живой меж мертвыми и мертвый меж живыми,
Ты шепчешь мне слова давно забытых рун,
И силюсь вспомнить я твое бывшее имя
И слышу тихий вздох и шопот — Гамаюн.

1914

Наталья Грушко. Ева. Пб., 1922, с. 47.

Наталья Васильевна Грушко (в замужестве Островская, 1892 — ?) — поэтесса, автор книг «Стихи» (СПб., 1912) и «Ева» (Пб., 1922, два издания). В бытность Блока председателем петроградского Союза поэтов была членом президиума Союза. См. упоминания о ней в дневнике Блока (VII, 371, 396). Известно деловое письмо Н. Грушко к Блоку от 21 октября 1920 г. (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 233).

Георгий Иванов.

Письмо в конверте с красной прокладкой
Меня пронзило печалью сладкой.

Я снова вижу ваш взор величавый,
Ленивый голос, волос курчавый.

Залита солнцем большая мансарда,
Ваш лик в сияньи, как лик Леонардо.

И том Платона развернут пред вами,
И воздух полн золотыми словами.

Всегда ношу я боль ожидания,
Всегда томлюсь, ожидая свиданья.

И вот теперь целую украдкой
Письмо в конверте с красной прокладкой.

«1913 или 1914»

Георгий Иванов. Горница. СПб., «Гиперборей», 1914, с. 39.

Георгий Владимирович Иванов (1894—1958) — поэт, в начальную пору эгофутурист, потом член Цеха поэтов. Стихотворение опубликовано без посвящения; на то, что речь в нем идет о Блоке, указал В. Н. Орлов («Звезда», 1980, № 10, с. 77). По-видимому, Иванов вспоминает в этом стихотворении о своем посещении Блока 18 ноября 1911 г. (см. дневниковую запись Блока от этой даты — VII, 93; в этой записи упоминается, что разговор шел, в частности, о Платоне). Неясно, о каком письме Блока к Иванову идет в стихотворении речь; известно, что 9 сентября 1912 г. Блок ответил Иванову на его письмо от начала сентября того же года (см. помету Блока на этом письме — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 34, л. 1); этот ответ Блока утрачен.

В марте 1919 г. Блок написал отзыв о подготовленном к печати собрании стихотворений Г. Иванова. В этом отзыве (VI, 335—337) высказаны глубокие и горькие мысли

о «мести природы за цивилизацию», перекликающиеся с мыслями очерка «Русские денди» (1918; VI, 53—57). О Г. Иванове и его стихах Блок писал: «Слушая такие стихи (<...>), можно вдруг заплакать — не о стихах, не об авторе их, а о нашем бессилии, о том, что есть такие страшные стихи ни о чем, не обделенные ничем — ни талантом, ни умом, ни вкусом, и вместе с тем — как будто нет этих стихов, они обделены всем, и ничего с этим сделать нельзя. <...> Это — книга человека, зарезанного цивилизацией, зарезанного без крови, что ужаснее для меня всех кровавых зрелищ этого века» (VI, 337).

Стихи, о которых идет речь в отзыве Блока, и другие, несколько более поздние, вошли в сборники Г. Иванова «Сады» (Пб., 1921) и «Лампада» (Пб., 1922); отклики на эти книги были, в основном, уничтожающими. Так, один из критиков писал: «Георгий Иванов — не создатель моды, не закройщик, а манекенщик — мастер показывать на себе платье различного покроя» (А. П о л я н и н <София Парнок>. <Рец. на:> Георгий И в а н о в. Сады. — Сб. «Шивовник», М., 1922, с. 173), а другой критик отмечал: «В общем, стихи Г. Иванова образцовы. И весь ужас в том, что они образцовы» (Лев Л у н ц. Цех поэтов. — «Книжный угол», Пг., 1922, № 8, с. 49). Даже М. Кузмин, высоко Ивановым чтимый, издевательски сравнил книгу «Сады» со справочником по маркам фарфора (М. К у з м и н. Письмо в Пекин. — Сб. «Абракаса», <вып. 2>, Пг., 1922, с. 62).

В 1922 г. Г. В. Иванов уехал за границу; его эмигрантское творчество можно назвать характернейшим явлением так называемой «поэзии парижской ноты» с ее изощренной остротой в плане выражения и преобладанием мотивов безвыходности и одиночества — в плане содержания. Двумя изданиями — в 1928 и 1952 гг. — Иванов выпустил книгу воспоминаний «Петербургские зимы», живо написанную, но очень сомнительную в смысле достоверности; в этой книге рассказывается, в частности, и о встречах с Блоком.

Георгий Рыбинцев. «О тайной деве, мехами окрыленной...» (А. Блоку). — Георгий Рыбинцев. Осенняя просинь. М., «Альциона», 1914, с. 9.

П. Соловьева (Allegro). Серый волк. А. Блоку («Мы мчались с тобою, Царевна...»). — П. Соловьева (Allegro). Вечер. СПб., 1914, с. 53.

Элиас <Л. Л. Кобылинский>. Resignation. А. Блоку («Я власти горьких вдохновений...»). — Э л л и с. Арго. М., «Мускет». 1914, с. 50.

Нина Гончарова. «По колеям родной дороги...». А. Блоку (1915). — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. кр. 27 (в письме автора к Блоку от 7 сентября 1920 г.).

В. Зоренфрей. «Вдохновенно преклонив колени...». Ал. Блоку <1915>. — «Русская литература», 1979, № 4, с. 129.

Мих. Козырев. А. Блоку («Не устанет занавес взвизгивать...»). — «Современник», 1915, № 1, с. 41.

Иван Рукавишников. Стихам Александра Блока («Тебе, неизвестная, нелюбимая...»). — Иван Рукавишников. Стихотворения, кн. 10. М., 1915, с. 145—146.

Вл. Нелединский <Вл. Вас. Гиппиус>

АЛЕКСАНДР БЛОК

Еще один! который вслед за нами
Запел — скучая в скучной стороне —
О незнакомой и прекрасной даме.

И гибли от бессилья и печали
(Он был бесстрашней, но бессильней, — я
Припал навек к истомам бытия, —

Он пел, а не рассказывал — стихами;
Мы слушали, как слушают во сне
Удары сердца — в глубине, на дне.

Но оба мы — почти беззвучно ждали...
И вдруг напевы Блока прозвучали.

Мы с Добролюбовым о том же все мечтали;
Рыдать (а не рассказывать) стихами
О буйных сменах в сердце бытия —

Вл. Нелединский <Вл. Вас. Гиппиус>. Томление духа. Вольные сонеты. Пг., 1916, с. 76.

В этом стихотворении Вл. Вас. Гиппиуса (см. о нем выше в наст. публикации) обращает на себя внимание мысль о том, что Блок — реализация того типа поэта, который стремились и не могли воплотить петербургские модернисты первого поколения, — в частности упомянутый в стихотворении А. М. Добролюбов (1876—1944?), — «воинственные молодые монахи раннего символизма», как их назвал впоследствии О. Мандельштам (О. М а н д е л ь ш т а м. Шум времени. Л., 1925, с. 79). Ср. стихотворение Блока «А. М. Добролюбов» (1903; I, 275) с эпиграфом из пушкинского стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...»: «А. М. Д. своею кровью/Начертал он на щите».

Ц. Н. Качалов. «Писать тому, кто сам поэт?» (Январь 1916). ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 509 (на обороте обеденного меню с датой 15 января 1916 г.).

Е. Кузьмина-Караваева.

Смотрю на высокие стекла,
А постучаться нельзя;
Как ты замерла и поблекла,
Земля и земная стезя.

Не жду ничего я сегодня:
Я только проверить иду,
Как вестница слова Господня,
Свершаемых дней череду.

Над западом черные краны
И дока чуть видная пасть;
Покрыла незримые страны
Крестом вознесенная снасть.

Я знаю — живущий к закату
Не слышит священную весть,
И рано мне тихому брату
Призывное слово прочесть.

На улицах бегают дети,
И город сегодня шумлив,
И близок в алеющем свете
Балтийского моря залив.

Смотрю на горящее небо,
Разлившее свет между рам;
Какая священная треба
Так скоро исполнится там.

Е. Кузьмина-Караваева. Руфь. Пг., 1916, с. 60.

Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (рожд. Пиленко, во втором браке Скобцева, в монашестве Мария, 1891—1945) — поэтесса, общественная деятельница. Член Цеха поэтов, автор книг стихов «Скифские черепки» (СПб., 1912) и «Руфь». С 1920 г. в эмиграции, в 1932 г. приняла монашество; в 1936 г. выпустила третью книгу стихов (Монахиня Мария. Стихи. (Берлин), «Петрополис»); в том же году напечатаны ее воспоминания о Блоке («Современные записки», Париж, № 62). Много занималась благотворительной деятельностью среди русских эмигрантов в Париже; во время войны активно участвовала в Сопротивлении. Героически погибла в нацистском концлагере незадолго до конца войны. См. подробнее о ней: Мать Мария. Стихи. Поэмы. Статьи. Воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюке. Париж, 1947; Д. Е. Максимов. Воспоминания о Блоке Е. Ю. Кузьминой-Караваевой. — «Труды по русской и славянской филологии», XI, Тарту, 1968, с. 257—264 (там же, с. 265—278 — повторная публикация воспоминаний «Встречи с Блоком»); Е. Микulina. Мать Мария. — «Простор», Алма-Ата, 1973, № 12, с. 90—124.

Приводимое стихотворение не снабжено формальным посвящением; но, как отмечает Д. Е. Максимов (указ. соч., с. 262), в нем «явно говорится об ее (автора) отношениях с Блоком (пейзаж этого стихотворения точно соответствует городскому окружению блоковской квартиры на Офицерской улице)».

Е. Кузьмина-Караваева.

Увидишь ты не на войне,
Не в бранном, пламенном восторге,
Как мчится в латах, на коне
Великомученик Георгий.
Ты будешь видеть смерти лик,
Сомкнешь пред долгой ночью вежды;
И только в полночь громкий крик
Тебя разбудит: зов надежды.
И белый Всадник даст копьё,
Покажет, как идти к дракону,
И лишь желание твоё
Начнет заутро оборону.
Пусть длится напряженный ад, —
Рассвет томительный и скудный, —

Нет славного пути назад
Тому, кто зван для битвы чудной.
И знай, мой царственный, не я
Тебе кую венец и латы:
Ты в древних книгах бытия
Отмечен, вольный и крылатый.
Смотреть в туманы — мой удел;
Вверяться тайнам бездорожья
И под напором вражьих стрел
Твердить простое слово божье,
И Всадника ввести к тебе,
И повторить надежды зовы,
Чтоб был ты к утренней борьбе
И в полночь — мудрый и готовый.

«Лит. обозрение», 1980, № 10, с. 98; «Байкал», 1980, № 5, с. 150.

Стихотворение входит в состав письма Е. Ю. Кузьминой-Караваевой (см. о ней выше) к Блоку от 26 июля 1916 г. и сопровождается следующей авторской припиской: «После Вашего письма писала я стихи. Если Вы можете их читать, как часть письма, то прочтите; если же нет, то просто пропустите. Они тогда выразили точно то, что я хотела Вам сказать». Письмо Блока от 14 марта 1916 г., на которое ссылается Кузьмина-Караваева, до сих пор не обнаружено. Ср. запись Блока от 14 марта 1916 г. (ЗК, 290—291) и воспоминания Кузьминой-Караваевой (Труды по русской и славянской филологии, XI, Тарту, 1968, с. 274—275).

Павел Сухотин.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

Я посетил твой дом на Пряжке,
Я заглянул в твои глаза:
О, дни и ночи были тяжки,
И солона была слеза!

Но мне сиял твой парус вольный,
Взметенный в снеговую высь...
И в разговор наш безглагольный
Морские волны ворвались.

Ты, над столом склоняясь низко,
Сказал неожиданно для других:
— А ведь от нас и море близко... —
И шумный город вдруг затих.

И все желаннее и ближе,
Иных просторов слыша шум,
Ты стал клониться ниже, ниже
Над тем столом, где столько дум.

На Пряжке. 5 февраля 1916

«Русская мысль», 1916, № 10, с. 182.

О Павле Сергеевиче Сухотине (1884—1935) см. выше в наст. книге («Дарственные надписи Блока на книгах и фотографии»). Стихотворение Сухотина на смерть Блока см. ниже в наст. публикации.

Марина Цветаева. Стихи к Блоку. 1. «Имя твое — птица в руке...»; 2. «Нежный призрак...»; 3. «Ты проходишь на запад солнца...»; 4. «Зверю — берлога...»; 5. «У меня в Москве — купола горят...»; 6. «Думали — человек!»; 7. «Должно быть — за той рожей...»; 8. «И тучи оводов вокруг равнодушных кляч...» (Апрель—май 1916). — Марина Цветаева. Версты. Стихи. Вып. 1. М., Госиздат, 1922, с. 63—73 (стихотворения 3-е и 6-е впервые — сб. «Пересвет», М., 1921, с. 8—9; стихотворение 5-е — «Северные записки», 1917, № 1, с. 26).

Ты проходишь на запад солнца,
Ты увидишь вечерний свет.
Ты проходишь на запад солнца,
И метель замечает след.

Мимо окон моих — бесстрастный —
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души!

Я на душу твою — не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому, святому лику
Только издали поклонюсь.

И под медленным снегом стоя,
Опущусь на колени в снег,
И во имя твое святое
Поцелую вечерний снег —

Там, где поступью величавой
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий — святая славы —
Вседержитель моей души.

2 мая 1916

Цикл «Стихи к Блоку» Марины Ивановны Цветаевой (1892—1941) состоит из 16 стихотворений; в него входят как стихотворения, написанные при жизни Блока, так и стихи на его смерть (см. ниже в наст. публикации). Полностью цикл впервые опубликован отдельной книгой (Марина Цветаева. Стихи к Блоку. Берлин, «Огоньки», 1922); эта книга целиком перепечатана в позднейшем издании: Марина Цветаева. Избр. произведения. М.—Л., 1965, с. 92—103.

Приводимое здесь стихотворение построено на мотивах православной молитвы «Свете тихий». Пиетет, с которым относилась к Блоку значительная часть младшего поэтического поколения, приобретает у Цветаевой с ее страстным гиперболизмом характер настоящего культа, объект которого почти обожествляется.

Петр Юркин. Александру Блоку («Тянутся дни, невеселые сердцу...»; «Хладные волны, сумерки внешние...») (15 марта 1916). — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 478 (поме. а Блока: «Какой ужас пошлости»).

Владимир Гейштор. Александру Блоку. Акrostих («Ангел нежный, белоснежный опустил крыло...») (21 января 1917). — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 505 (см. также выше в наст. книге — «Блок в неизданной переписке и дневниках современников», комментарий к письму В. Гейштора к В. Пясту).

Евгения Никольская. «Предо мною Твой том со стихами...» (Посвящаю А. А. Блоку) (15 августа 1917). — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 84.

В. Павлов. А. Блоку («Скрипка молилась, — девушка пела...»). — В. Павлов. Распятые тени. Одесса, 1917, с. 15.

Зинаида Гиппиус. Идуший. 1. А. Белому и А. Блоку («По торцам оледенелым, в майский, утренний мороз...»). — «Новые ведомости», Пг., 1918, № 82, 10 июня.

Зинаида Гиппиус.

А. БЛОКУ

Дитя, потерянное всеми...

Все это было, кажется, в последний,
В последний вечер, в вешний час...
И плакала безумная в передней,
О чем-то умоляя нас.
Потом сидели мы под лампой блеклой,
Что золотила тонкий дым,
А поздние распахнутые стекла
Отсвечивали голубым.
Ты, выйдя, задержался у решетки,

Я говорил с тобою из окна.
И ветви юные чертились четко
На небе — зеленой вина.
Прямая улица была пустыня,
И ты ушел — в нее, туда...
.....
Я не прощу. Душа твоя невинна.
Я не прощу ей — никогда.

(1918)

Зинаида Гиппиус. Стихи. Дневник 1911—1921. Берлин, 1922, с. 96.

Это стихотворение З. Гиппиус, как и ее другие стихотворения этой поры, адресованные Блоку, знаменовало полный окончательный разрыв между нею и Блоком. Стихотворение было надписано на экземпляре книги Гиппиус «Последние стихи» (Пг., 1918), переданном Блоку через третье лицо в мае 1918 г. В своих воспоминаниях о Блоке «Мой лунный друг» Гиппиус рассказала, что это стихотворение посвящено последнему посещению Блоком дома Гиппиус и Мережковского. Во время этой встречи, весной 1916 г., Гиппиус резко отозвалась о вступительной статье Блока к собранию стихотворений Аполона Григорьева (см. ее печатный отзыв об этой статье, содержащий те же мотивы, — сб. «Огни», кн. 1. Пг., 1916, с. 263—278).

«Дитя, потерянное всеми...» — Гиппиус приводит в воспоминаниях телефонный разговор с Блоком в конце 1917 г., в котором она упрекала Блока за его политическую позицию и, между прочим, заметила, что не станет осуждать стоящего на той же позиции Белого, так как он человек по натуре безответственный, «потерянное дитя»; Блок, по словам Гиппиус, ответил на это: «Может быть, я тоже потерянное дитя». Отметим в этой связи, что по-французски «потерянное дитя» (*enfant perdu*) обозначает часового на передовой позиции; у Г. Гейне есть стихотворение под таким названием (сб. «Романсеро», 1851, кн. 2-я, цикл «Лазарь»; рус. пер. см.: Генрих Гейне. Собр. соч., т. 3. Л., 1957, с. 107). Возможно, Блок, отвечая Гиппиус, вспомнил об этом стихотворении.

«И плакала безумная в передней...» — Гиппиус вспоминает, как во время ее разговора с Блоком в квартиру ворвалась душевнобольная девушка, им обоим незнакомая, и стала просить их о защите от насильственного помещения в лечебницу.

Блок ответил на стихотворение Гиппиус стихотворением «Женщина, безумная горячка...» (см. III, 372, 634—635).

Позднее высказывание З. Гиппиус о Блоке в разговоре с Г. В. Адамовичем см. выше в наст. книге («Блок в неизданной переписке и дневниках современников» — комментарий к письму Гиппиус к Андрею Белому от 4 сентября 1918 г.).

Зиновий Давыдов. «Мы одного лелеем друга...» (Л. А. Андреевой-Дельмас) (1918). — З. Давыдов. Ветер. Чернигов, «Стрелец», 1919, с. 59.

Василий Каменский. Зимний соснострой (А. Блоку — всегда верил Вашему рыцарству) («Если в зимнюю пору...»). — Василий Каменский. Звучаль веснеяки. М., «Китоврас», 1918, с. 50.

Владимир Кириллов.

ПОЭТАМ РЕВОЛЮЦИИ

А. Блоку

Мы обнажили меч кровавый.
 Чтоб гнет разрушить вековой,
 И с верой светлой в жребий правый
 Мы вышли на последний бой.

И вы, что нежностью питали
 Ожесточенные сердца,
 Вы под знамена наши встали,
 Чтоб вместе биться до конца.

И в страшный час борьбы и муки,
 В кровавом вихре грозных битв
 Мы услышали чудо-звуки
 Благословляющих молитв.

О, светлый час благословенный,
 Велик наш огненный союз:
 Союз меча борьбы священной
 С певцами легковейных муз.

«Знамя труда», Пг., 1918, № 138, 21 февраля (подпись: Поэт-Пролетарий).

Владимир Тимофеевич *Кириллов* (1890—1943) — поэт, революционер, один из руководителей петроградского Пролеткульта. Газетная вырезка с текстом этого стихотворения сохранилась в бумагах Блока (Вл. О р л о в. Поэма Александра Блока «Двенадцать». М., 1962, с. 156).

Б. Курдиновский. «Когда ты ищешь путь в буранах...» (А. Блоку) (1918 ?). — ГПБ, ф. 1000, оп. 2, ед. хр. 700, л. 76—78 (в составе рукописного сборника Б. Курдиновского «Зори»).

А. В. Луначарский.

БЛОКУ «СОЛОВЬИНОГО САДА»

Пришлец из сада соловьиного,
 Туманен негой томный взор,
 И в дрожи губ у рта змеиного
 Лобзания дремлют девы гор.
 Зачем ушел от роз пылающих,
 Ловивших ветвями тебя,
 Зачем вернулся в стан стенающих,
 Живущих в прахе, не любя?
 Забыл осла? И крик пронзительный
 Твоим восторгам помешал?
 И, бросив кубок упоительный,
 Ты снова лом свой ржавый взял?
 Каменотес в прошедшей младости,
 Ты не ужился среди роз,
 Кальян, диваны, рая радости
 Не стерли след печальных слез?
 Неправда! То не рев терпения
 Свой груз несущего осла
 Тебя исторгнул из пленения, —
 То клетот вольного орла!
 Тот звук, что принял ты, ласкаемый,
 За доносившийся прибой,
 Был зов, тобой неясно чаемый,
 Зов меднокованной трубой.
 И не туда сошел из рая ты
 И не на то здесь смотришь ты,
 Брось тропы пыльной рабьей маяты
 И шум базарной суеты.
 Тот звук, что долетел таинственно
 В твой нежный соловьиный сад,
 Был звон мечей, был шум воинственный,
 Был наш призыв, прекрасный брат.
 Не опускай же рук изнеженных,
 Венеру обнимавших там, —

Отдайся смене вихрей бешеных
 И огнедышащим страстям.
 Ты видишь Незнакомку новую,
 Ее горящие глаза,
 И грудь стальную и суровую,
 И кудри — горная гроза!
 Восточных ласк, шербою пахнущих,
 Ты не напрасно убежал,
 И роз в оранжереях чахнувших,
 И песен пресных, как кристалл.
 Счастливцев, Ею уж отмеченный,
 Венерой в маках и огне,
 Быть может, в битве изувеченный,
 Обрящешь счастье вполне!
 Жди поцелуя нескazanного,
 Смотри, как рот богини ал
 И как ее чела венчанного
 Олимпоснежен идеал.
 Блажен богинею целованный,
 И вечный лавр ее садов,
 Любимцу царственно дарованный, —
 Венец бессмертных лишь трудов.
 Не соловьиная трескучая
 И механическая трель,
 Звучит здесь музыка могучая,
 Поет Истории Свирель.
 И ту Свирель рукой любимую
 Тебе, певец, подаст она
 И вечной песней грудь томимая
 Пусть разрешается до дна.
 В честь Незнакомки, дамы чайной,
 Пой знойно льющийся псалом:
 Органом вторит над окраиной
 Весенний и веселый гром.

«Вопросы литературы», 1961, № 1, с. 204—205.

При жизни Анатолия Васильевича Луначарского (1875—1933) стихотворение не печаталось; опубликовано посмертно вместе со стихотворением «Блоку Двенадцати» (см. отсылку ниже). Блоку оба стихотворения, по-видимому, остались неизвестны. Об обстоятельствах их написания см. заметку Н. А. Трифонова («Вопросы литературы», 1961, № 1, с. 201—204).

А. В. Луначарский. Блоку Двенадцати («Ты за сердце ухватился...», 1918).— «Вопросы литературы», 1961, № 1, с. 202—203.

А. Сумароков. «Далекий звон незримых струн...» А. Блоку; «Люблю я шум летящей птицы...» А. Блоку; «Снова зори румяны и утренни...» А. Блоку (1918).— ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 417 (в письме автора к Блоку от 16 мая 1918 г.).

Валентин Вольпин. Россия. Александру Блоку («Ты много масок одевала...») (1919).— Валентин В о л ь п и н. Ярмо и воля. Стихи. Кв. 2. Ташкент, 1920, с. 46—47.

Зинаида Гиппиус. Бывшему рыцарю Прекрасной Дамы («Впереди 12-ти не шел Христос...») (1919).— Вл. О р л о в. Поэма Александра Блока «Двенадцать». М., 1962, с. 143.

В. Каплун. А. Блоку («Я скромный почитатель Heine...») (20 января 1919).— ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 508.

А. А. Кублицкая-Пиоттух. «Заалела небес бирюза...» (23 февраля 1919).— М. А. Бекетова. Александр Блок и его мать. Л., 1925, с. 165—166.

Н. О. Лернер. Из Блока («Здесь чепуха цветет и движет...») (30 сентября 1919).— ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 489 (автор и дата устанавливаются по помете Блока).

Ник. Оцуп. Россия. Посвящаю Александру Александровичу Блоку («Не развалины Иерусалима...»).— ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 53 (поема Блока: «получ. 10.XII.1919»).

Валентин Парнах. Александру Блоку («Избыток горечи вверг меня в сон...»).— Валентин П а р н а х. Самум. Париж, 1919, с. 41.

Виктор Стражев.

АНТИ-СКИФЫ

Блоку

О да! Зови на «братский пир», поэт,
Но перестрой встревоженную лиру!
Нет! Не грози лавиной злобных бед
Старшему, западному миру!
Нет, пусть иной и светловейный миф
В твоих стихах услышат наши братья.
Пойдут ли к нам, коль им раскроет скиф
Тяжелых лап своих объятия?
Нет! Ложь и ложь! и снова, трижды, ложь!
Нет! нам не надо скифской маски!
Могильный сон курганов не тревожь
И не мути злоречьем сказки.
Докучно, чуждо было нам всегда
Европы жадной скопидомство,
Но страдный путь не ляжет наш туда,
Где злое зреет вероломство.
Наш путь — наш путь. И нам пугать не
Чужою, азиатской рожей...
На этот раз — какая боль внимать
Ей, лире милой и пригожей!
Земных племен идут из мрака в мрак
Земные и слепые тропы...

Свой путь вершит Иванушка-дурачок,
Меньшой... Разумникам Европы
Он свой, родной, корней славянских, брат.
Века былые пусть плачевны,
Но под тряпицей на челе блещут
Лучи судьбы — горит звезда Царевны!
Пророчит сердце: будет некий срок,
И задрожит лицо земное,
Противостанут Запад и Восток,
Земли таинственные Двое.
Но в час, когда подымет желтый брат
На брата белого десницу
И в небо черный будет бить набат,—
Мы сбросим ветхую тряпицу...
И если мир в ножны не вложит меч
И этот меч не зацветет Любовью,
Тогда в пучину тех последних сеч
Мы хльнем жертвенною кровью.
И Русь не будет! Будет горный свет
Звезды Царевны в небе синем...

Какая боль тебе внимать, поэт!
Нет, нет! Твой скифский миф — отринем!

1919. VIII. 16.

ЦГАЛИ, ф. 1647, оп. 3, ед. хр. 3; «Лит. Грузия», 1980, № 11, с. 179—180 (не полностью).

Виктор Иванович Стражев (1879—1950) — поэт, педагог, историк литературы. Встречался с Блоком в 1906—1907 гг.; известно письмо Блока к Стражеву от 14 сентября 1908 г. (VIII, 253—254). В 1905 г. Блок опубликовал рецензию на книгу стихов и прозы

Стражева «Opuscula» (V, 563—564), а в 1907 г. — отметил в статье «О лирике» книгу Стражева «О печали светлой» (V, 157).

Стражев оставил краткие воспоминания о Блоке («Блоковский сб.», 1, с. 425—436). В бумагах Стражева сохранились наброски стихотворений, посвященных Блоку, относящиеся к концу 1940-х годов, т. е. ко времени написания воспоминаний о Блоке (см. отсылку ниже в наст. публикации).

Семен Фомин. Девушка в белом. Александру Блоку («Когда пылают в храме свечи...») (1919). — Семен Ф о м и н. Свирель. М., Госиздат, 1920, с. 22.

Корней Чуковский. Мое гражданское негодование («За жалкие корявые поленья...») (Декабрь 1919). — Корней Ч у к о в с к и й. Современники. М., 1967, с. 283.

Никандр Алексеев. Бродяга. Александру Блоку («Что унывать — какой пустяк!»). — Никандр А л е к с е е в. Ветровые песни. Париж, 1920, с. 55—57.

М. А. Бекетова.

АЛ. БЛОКУ

На детство нежное твоё	И вот зажглась твоя звезда
С улыбкой я смотрела,	Высоко надо мною
Твой первый лепет, первый стих	И в блеске славы поднялась,
В душе запечатлела.	Сияя над толпою.

Прекрасной юности твоей	А я вдали на склоне дней
Расцветом любовалась...	Живя уединенно,
О, как светло твоя заря	На яркий след твоих шагов
Над миром занималась!	Взираю умиленно.

При мне цвела твоя любовь	И часто в думах и мечтах
В годину упований,	Тебя благословляю
При мне мужал и креп твой дух	И охранять твои пути
В горниле испытаний.	Я бога умоляю.

Так жизнь моя сплелась с твоей	И знай, хоть ныне мы с тобой
Стезю непрерывной,	Разлучены судьбою,
И рос твой дар вблизи меня	Моя молитва и любовь
Таинственно призывный.	Всегда, везде с тобою.

И я, дыханье затаив,	8-го февраля 1920
Стихам твоим внимала,	Луга. У переезда.
Ловя пленительный напев,	Дача Васильевой
Их тайну постигала.	

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 145.

О тетке Блока Марии Андреевне Бекетовой (1862—1938) см. в наст. томе.

Александр Беленсон.

НА ЮБИЛЕЕ М. А. КУЗМИНА

Александрийской мне затеи	А рядом профиль светлый Блока,
Стихи Духовные милее,	Задумчивый, голубоокий
В них вера русская видна.	В искусственном мерцаньи свеч.
Как на старинных медных кубках,	С улыбкой беззащитной детской
Острится профиль Кузмина.	Его взволнованная речь
Певец сетей, голубок хрупких,	О доле русской, не немецкой.
Ведомый мудростью вожатый,	О том, что средь развалин храма,
Он держит розу, и она,	Где прежде крест был, нынче — меч,
Любовно кем-то подана,	Должны поэта мы беречь
Рукою бережной не смята.	И сохранять разбитый мрамор.

Александр Б е л е н с о н. Врата тесные. Пб., 1922, с. 27.

Александр Эммануилович Беленсон — поэт, прозаик, критик, издатель. Владелец издательства «Стрелец», выпустившего три книги одноименного альманаха (1915—1922); в первой книге «Стрельца» напечатан блоковский перевод миракля Рютбефа «Действо о Теофиле». В приводимом стихотворении описано празднование 15-летия литературной

деятельности М. А. Кузмина в петроградском Доме искусств 29 сентября 1920 г. Приветствие, с которым выступил Блок на этом юбилее, см. VI, 439—440. В первой строфе стихотворения — ссылки на циклы и сборники стихов Кузмина: «Александрийские песни» (сб. «Сети», 1908), «Духовные стихи» (сб. «Осенние озера», 1912), «Глиняные голубки» (1914), «Вожатый» (1918).

Модест Гофман.

О БЛОКЕ

Холодно-страстное	Весь изваяние,
Бронзово-красное	Спрятал рыдание
Дышит огнем	Спрятал печаль
В страсти опасное	Весь в напряжении,
Жуткое, властное	В нем достижения
Чудится в нем	В нем наш конец
Беден улыбкою	Плавно-медлительный
Сдержанно-зыбкою	Скромно-пленительный
Тверд он, как сталь!	Чудо-певец

Петр(оград) 19/20—XII—20 г.

«Лит. обозрение», 1980, № 10, с. 98—99.

Стихотворение находится в тексте письма М. Л. Гофмана (см. о нем выше в наст. публикации) к Андрею Белому от 19 октября 1921 г.* К последней строке сделана автором такая приписка: «Чудо-мертвец сюда подходит больше, так как, внешне мертвенный, он хранил в себе огромную динамику, но «мертвец», как будто, оскорбляет образ живого человека. Хочется знать, соответствует ли характеристика образу живого А. А. Блока».

В статье М. Гофмана «Поэма «Двенадцать» и смерть Блока» («Последние новости», Париж, 1925, № 1485, 26 февраля) рассказано о встрече автора с Блоком после большого перерыва весной 1920 г. Гофман отмечает, что при всех переменах в облике Блока не изменились его глаза — те глаза, «что запомнить каждый должен» (строка Ахматовой — см. ее стих. «Я пришла к поэту в гости...» выше в наст. публикации).

Г. Ж. Александру Блоку («Холодный Брюсов остро точит...»; «Что за день был в основном лесу!») (Май 1920).— ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 513.

Вера Звягинцева. «Эшафот — земля золотая...» (1920).— ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 507.

Наталья Кугушева. Пленный пилигрим. А. Блоку («В снеговые просторы влюбленный...»).— ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 294 (помета Блока: «в Москве — май 1920»).

Н. О. Лернер. Коллегиальность. А. А. Блоку («Компания — ваш идеал...») (20 января 1920).— ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 489.

Серафима Мадатова. С книгой Блока («Мне все рассказал мой излюбленный автор...»).— Серафима Мадатова. Листки из дневника. Одесса. 1920, с. 37.

Вера Меркурьева. По А. Блоку. 1. «Льдыстым звоном спящих проталин...»; 2. «И вновь, как встарь, туманы встали...» (Между 1915 и 1920).— ЦГАЛИ, ф. 2209, оп. 1, ед. хр. 6, л. 205—207 (в составе цикла «С чужого голоса. Оттепель ночью»).

«Неустановленный автор». (1920) ААБ («В часы измен и рухнувших знамен...»).— ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 35, л. 23 (список рукой А. А. Кублицкой-Пиотух, датированный 6.I.23).

Ник. Оцуп.

БЕЛЫЙ СВИТЕР

Александру Блоку

Повторит Вас резеп умелый,	Но я решусь ли, — нелегко мне:
Но лучше мрамора — слова,	Он излучает теплый свет,
Когда поет Ваш свитер белый	Он Ваш любимый снег напомнил
И пристальная голова.	И сам он хочет быть воспет.

Как постамент крутые плечи,	Он широко летящей птицы
Свободный ворот — бюст готов.	Белеющая солнцем грудь,
И гению увековечить	И в нем запутанно шерстится
Придется шерстяной покров.	Певучий Ваш метельный путь.

1920

* Текст предоставлен В. М. Паперным.

«Лит. обозрение», 1980, № 10, с. 98.

Николай Авдиевич *Оцуп* (1894—1958) — поэт, член «третьего Цеха поэтов», основанного в 1920 г.; его отношение к Блоку явно отличалось от прохладно-почтительного отношения других «цеховиков», ориентировавшихся на Гумилева. Посылая Блоку свою поэму «Александрина» (не опубликована, текст в бумагах Блока не сохранился), Оцуп писал: «Главное, найдете ли Вы поэму живой, найдете ли в ней элемент героической романтики, которая (мне так показалось) созвучна с эпохой. Прочтя эти стихи, Вы поймете, почему мне, причисляемому к «аполлонцам», важно иметь Ваш отклик» (письмо от 5 сентября 1920 г. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 53).

В 1922 г. Оцуп эмигрировал, жил во Франции, во время II мировой войны активно участвовал в итальянском и французском Сопротивлении. В 1956 г. он опубликовал статью «Лицо Блока», в которой приводятся отрывочные воспоминания о встречах с Блоком, а также дается оценка его творчества, составляющего, по мнению автора, вершинное выражение иррелигиозного интеллигентского гуманизма (см.: Ник. Оцуп. Литературные очерки. Париж, 1961, с. 55—77).

Надежда Павлович. «Обветренный и загорелый, как матрос...»; «И все, что с детства звучало и снилось...»; «Судьбе, душа, не прекословь...»; «По силам мне любовь моя; другой...»; «Мне снилось, ты гибнешь в смертельном бою...»; «Спишь с открытыми глазами...»; «Книга о тихом Китеже-граде...»; «Поставь свечу перед Казанской...»; «Запомнить все, отметить и сберечь...»; «Мороз-разбойник хозяин здесь...»; «Недобрая ночь с недоброй тоской...»; «Все снится мне за мглой влажной...»; «И звезды те же над домом твоим...»; «Морской холодный мокрый ветер...»; «Легла крестом по небу туча...»; «И день прошел, и ночь близка...»; «Все, что любила, позабыла...»; «Уснул и муки и восторги...»; «Когда бы гневом и укором...»; «Прямая улица; заря вдали...»; «Все как в детстве, как бывало...»; «Про Летний сад с улыбкой он сказал...»; «Всю долгую ночь я брожу кругом...» (1920—1921). — Надежда Павлович. *Берег*. Пб., «Неопалимая купина», 1922, с. 25—48 (стихотворения «И все, что с детства звучало и снилось...», «Мне снилось, ты гибнешь в смертельном бою...» и «Судьбе, душа, не прекословь...» — впервые: «Записки мечтателей», 1921, № 2-3, с. 132—133).

Мне снилось, ты гибнешь в смертельном
бою,
Ты с каждой зарею бледней;
Я в поле пустынном березой стою,
Вся в шопоте смутном ветвей;
Ты бился и падал и снова вставал
Под ломкие звоны меча;
Над камнем горячим мой ствол просиял,
Как белая божья свеча.

И милых на помощь ты звал, но они
В пустыню не знали путей,
Лишь в листьях моих загорались огни
Над трудной судьбою твоей.

Под ветром ложатся в степи ковыли
И звоном встречают зарю.
Я знаю, что на смерть ты бьешься вдали,
Что на смерть я в поле горю.

* * *

Недобрая ночь с недоброй тоской;
Косматое небо встает над рекой,
И бродит, и стонет, и свищет мороз;
По пояс Исакий в сугробы врос.
И черным комком у церковных плит

Лежишь ты, жизнью и богом убит.
Твоя чистота никому не нужна,
И песня твоя никому не слышна,
Да верно и не было той чистоты,
А песни своей не запомнишь и ты.

Надежда Александровна *Павлович* (1895—1980) — поэтесса, в 1920—1921 гг. принадлежала к ближайшему окружению Блока; была секретарем петроградского Союза поэтов в бытность Блока его председателем. Автор воспоминаний о Блоке (сб. «Феникс». М., 1922; «Блоковский сб.», 1; «Прометей», т. II. М., 1975) и «мемуарной поэмы» «Воспоминания об Александре Блоке».

«Мне снилось, ты гибнешь в смертельном бою...» — В своих воспоминаниях Н. Павлович рассказывает, как она прочитала это стихотворение Блоку: «(<...> он спросил: „Кому Вы написали эти стихи?“ Я ответила: „Вам“. Он наклонил голову: „Это правда“» («Блоковский сб.», 1, с. 483).

Надежда Павлович.

ПОЭМА

I.

Слетал с вершины Эльборуса,
С кремнистой крутизны скалы,
И шелковистый волос русый
В звезду свивался среди мглы.
Ущелья в зябкой тишине
Дрожали под его стопой,
И конь нагорною тропой,
Храпя, шарахался к стене.
Но в горькой памяти веков
Еще жива она, Тамара,

О ней столетняя чинара
Шумит средь молодых лесов,
О ней тоскует кипарис,
Свечкою вставший погребальной
Под перебор зурны печальной,
И неоглядно смотрит вниз,
Где в легком золоте Куры
Глаза угасшие блеснули.
Где, как и встарь, в седом ауле
Кизячные горят костры.

II.

Пролетал вечеров берегами
И опушками синими дней...
Не зурна ль тосковала над нами
Под далекий топот коней?
И к окну подходил он и слушал
(Страшной памятью сердце пвело),
Да глядел в полуночную душу,
Да изрезал крыло о стекло.

Но под женской неверной рукою
Непослушная билась зурна,
За душой ли моей, за простою такою.
Прилетаешь из давнего сна?
Или голос сестры обожженный и строгий
У затворенных черных ворот
Тосковал по тебе, по твоей безначальной
дороге
Эту ночь напролет?

III.

Ты, метелица, играешь за окном
И хмельным поишь меня вином,
Ты на окнах белым садом проросла
Да каличьей песней в поле изошла.
Но знакомый слышу шорох крыл,
В тихом доме кто-то двери отворил...

Не твоя ль, метель, на кудрях русых
седина?
Не в твоей ли песне дальняя зурна?
Золотой стеной надвинулся закат,
Хлопья снега розовеют, будто спелый
виноград,
И наметов твоих белые бугры
Будто складки скомканной чадры.

IV.

Книга о тихом Китежеграде;
В углу Богоматерь блистает над нами,
Но в слепнущем, в мертвом,
в потерянном взгляде
Все то же родное и темное пламя.
Молчит — не зовет в свои дивные страны
И духов служебных, как прежде, ко мне
не скликает,

И крылья бессильно упали, как в поле
туманы,
Последние звезды пухинками инея тают.
И снится, и снится, и бродит по дому
тревога...
Куда мне бежать, дорогие ослепшие очи!
Далеко от мира, и даже далеко от бога
Дыхание вьюжной, блистающей ночи.

V.

Вкусая, вкусих мало меду,
И се аз умираю...
За душой моей, за моею победой
Приходит...
Не посланец нежный рая,
А тот, кто в нашем деревенском приходе
Пламенем черным на белой известке сгорает.
Но встречи
Наши спокойны, как брата
С сестрою;

Липа не скрою
Простыней измятой...
Господи! Ты, на кресте за него и меня
распятый,
Тебе опаленные души, как свечи,
Как лампы у смертного ложа...
Боже!
Его и меня помилуй,
Гибнущих вместе!

Ноябрь—декабрь 1920

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 356, л. 15—16.

В письме, при котором рукопись поэмы послана автором Блоку, говорится: «Поэма эта (я не знаю, как назвать ее) посвящается Вам. Говорю об этом потому, что Вы все равно догадались бы по некоторым эпитетам» (там же, л. 14). Четвертая главка поэмы опубликована (без второго четверостишия и с небольшими разночтениями в других строках) в сб. Н. Павлович «Берег» (Пб., 1922, с. 31). В поэме Павлович мотивы лермонтовской поэзии (прежде всего «Демона») переплетаются с блоковскими мотивами. Параллель «Блок — Лермонтов» была довольно обычной для современников Блока; ср., напр., приводимые мемуаристом слова Н. Гумилева о Блоке: «Вообразите, что вы разговариваете с живым Лермонтовым. Что могли бы вы ему сказать, о чем с ним спорить?» (Вс. Р о ж д е с т в е н с к и й. Страницы жизни. М., 1974, с. 202).

Н. Саконская. «Какая у тебя душа? Не знаю...» (А. Блоку) (Февраль 1920). — В кн.: В. Приходько. Поэт разговаривает с детьми. М., 1980, с. 67—68.

Андрей Скорбный <Вл. Викт. Смирнский>. Предчувствие. Александру Блок<у> («Душою болезненно-чуткою...»); Черный. Александру Блок<у> («Я зажег в полумраке лампаду...») (Ноябрь 1920). — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 402.

Марина Цветаева.

СТИХИ К БЛОКУ

<9>.

Как слабый луч сквозь черный морок адов —
Так голос твой под рокот рвущихся снарядов.

И вот в громах, как некий серафим,
Оповещает голосом глухим, —

Откуда-то из древних утр туманных —
Как нас любил, слепых и безымянных,

За синий плащ, за вероломства — грех...
И как нежнее всех — ту, глубже всех

В ночь канувшую — на дела лихие!
И как не разлюбил тебя, Россия.

И вдоль виска — потеряннным перстом —
Все водит, водит... И еще о том,

Какие дни нас ждут, как бог обманет,
Как станешь солнце звать — и как не встанет...

Так, узником с собой наедине
(Или ребенок говорит во сне?)

Предстало вам — всей площади широкой! —
Святое сердце Александра Блока.

9 мая 1920

Сб. «Пересвет», М., изд. Н. В. Васильева, 1921, с. 10—11. Вошло в цикл Цветаевой «Стихи к Блоку» (см. отсылку выше в наст. публикации).

К этому стихотворению дано следующее авторское примечание: «В день, когда взрывались пороховые погреба на Ходынке и я впервые увидела Блока» (в отдельном издании «Стихов к Блоку» текст примечания несколько иной: после «на Ходынке» следует: «и падали стекла из Политехнического музея, где читал Блок»). О присутствии Цветаевой на вечере Блока в Москве 9 мая 1920 г. см. в воспоминаниях ее дочери: Ариадна Э ф р о н. Страницы воспоминаний. — «Звезда», 1973, № 3, с. 175—176. А. С. Эфрон указывает (там же, с. 176—177), что Блоку посвящена также поэма Цветаевой «На красном коне» (1921), «зашифрованная посвящением Анне Ахматовой», и несохранившаяся проза начала 30-х годов.

А Цуккер. 9 мая 1920 г. А. А. Блоку («Неспокойный, необычный...»). Триолет («И тревожный, и хороший...») (9 мая 1920). — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 512.

Георгий Чулков.

А. А. Б.

Да, мы убоги, ниши, жалки.	Но не умрут воспоминанья
И наши чаянья — всё бред.	О жертве, рыцарь и пророк;
И опозорены весталки,	И о тебе свои приданья
И опозорен сам поэт.	Расскажет варварский Восток.

30 августа 1920

Георгий Чулков. Стихотворения. М., 1922, с. 41.

Георгий Иванович Чулков (1879—1939) — поэт и прозаик символистского круга; в 1905—1908 гг. был близким другом и в известной мере — литературным союзником Блока; ему посвящен цикл «Вольные мысли» (1907). Впоследствии отношения между ними испортились, а потом и вовсе прекратились; причиной тому были и личные обстоятельства, и идейные расхождения. «Впрочем, за год до своей смерти Блок снова искал со мной дружеской встречи, и у нас состоялось в Москве свидание вовсе небезразличное» (Георгий Чулков. Годы странствий. Из книги воспоминаний. М., 1930, с. 224). Видимо, с этой встречей связано и приводимое стихотворение. В 1925 г. Чулков опубликовал со своим предисловием и комментариями 47 писем Блока к нему («Письма Александра Блока». Л., «Колос», 1925, с. 91—171).

О Г. И. Чулкове см. также выше в наст. книге («Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях»).

Мария Шкапская.

А. БЛОКУ

Детей от Прекрасной Дамы	И доброй своей парчою
Иметь никому не дано.	Скупых твоих слез не отру.
Ты в цепи живой Адама	И знаю: узкие плечи
Последнее будешь звено.	На земле не обрящут стен,
Такой горящей свечою	Чтоб доблесть нечеловечью
Оплывешь на зимнем ветру,	Заточить в человечесий плен.

<1920>

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 465.

Мария Михайловна Шкапская (1891—1952) — поэтесса и журналистка, в 1920 г. — член президиума петроградского Союза поэтов (в бытность Блока председателем Союза). Известен другой вариант последних 6 строк этого стихотворения (ЦГАЛИ, ф. 2182, оп. 1, ед. хр. 25):

И лишь гробовой парчою
Скупые слезы отрут.

Но знаю с болью и дрожью,
Что это будет навек:
Свеча горящая божья
И — плачущий человек.

1920. VIII.25.

Третий вариант (очень отличающийся от первых двух) — в кн.: Мария Шкапская. Кровь — руда. Берлин, 1922, с. 10 (без посвящения).

Мария Шкапская.

А. БЛОКУ

О, Пряжки милой порожденье,	И войск твоих надменный топот,
Люблю твой строгий стройный вид,	Твоей твердыни дым и гром,
Стихов державное теченье	Когда дрова из Петропона
И председательский гранит.	Нам не дадут в Союзный дом,
Люблю пикантные картины	Когда Балтфлот нас за нос водит
И твой смущенный робкий взор,	И лишь неугомонный один
Когда с безумною Надиной	В Петрокоммуну тщетно ходит
Вступаешь в безуспешный спор —	Пайком обманутый Кузмин.
О прелестях советской музыки,	И вес твоих цитат чугунных
О страстно жаждавшем пайке,	И блеск иронии твоей
О горькой участи Союза,	И светлой ночи блеск безлунный,
Твоей доверенной руке.	Когда с противницей своей

Бредешь на Пряжку без лампы
И ясны спящие громады
Пустынных улиц и светла
Адмиралтейская игла.

Красуйся ж, Блок, и твердо стой,
Как некогда стояла Фрина!

И да смирится пред тобой
Неубежденная Надина.
И пусть в союз печальный свой
Дорогу члены позабудут
И чтением стихов не будут
Тревожить сон покойный твой.

(1920)

ЦГАЛИ, ф. 2182, оп. 1, ед. хр. 140, л. 114.

Запись, сделанная автором в 1924 г., сопровождается следующей припиской: «Это мое стихотворение написано <...> осенью 1920 года, посвящено Блоку — председателю нашего Союза поэтов и является шуточной пародией на наши союзные злобы дня — выхлопывание дров, пайки и лекций в Балтфлоте, за которые платили натурой, и т. д. Жил Блок на Пряжке, Павлович (Надина) — на Офицерской, и после заседаний он всегда ее мирно провожал до дома, продолжая иногда и в пути охлаждать ее оптимистические порывы и надежды на процветание Союза, подобное московскому, которое она в Москве как раз перед этим наблюдала. Пародия была передана Блоку».

Стихотворение построено на «перепеве» известных строк о Петербурге из «Медного всадника» («Люблю тебя, Петра творенье...»). «Как некогда стояла Фрина...» — имеется, вероятно, в виду картина академика Г. Семирадского «Фрина» в Русском музее, изображающая торжественный выход знаменитой античной красавицы.

Мария Шканская. Блок Александр (опера) («Жили-были мы с папашей...»). — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 465 (см. выше в наст. книге — «Блок в неизданной переписке и дневниках современников», комментарий к письму Вс. Рождественского к М. А. Кузмину от 5 августа 1920 г.).

Эрих Голлербах.

АЛЕКСАНДР БЛОК

Сосредоточенно светло,
Как четкий барельеф медали,
Патрицианское чело
И губы, сжатые печалью.

О том, чему названья нет,
Чему название невозможно,
Благовещающий поэт
Пророчествует непреложно.

Ему так ясно знать дано
«В огне и холоде тревоги»,
Что радость и печаль одно,
Что в Рим приводят все дороги.

О Непорочной, о Святой,
Распятой нами в дни разврата,

О тихой заводи лесной,
Объятой заревом заката,
Чуть слышно шепчет голос струн...
Но — горе! — рев автомобилей
Как сокрушающий бурун
Захлестывает шелест лилий.

И лебединой песни стон,
И крики журавлиной стаи
Мелодий долгий перезвон,
Разъединяя, сочетает.

Вот почему так льнет мечта
В часы скорбей кровоточащих
К поэту Розы и Креста,
К ручьям его стихов журчащих.

1921

Альм. «Возрождение», т. 2. М., 1923, с. 171.

Об Эрихе Федоровиче Голлербахе (1895—1942), искусствоведе, журналисте и поэте, см. выше в наст. книге («Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях»).

Рюрик Игнев. Первые дни Октября. Посвящается А. Блоку («Мне двадцать шесть. На улице восстание...»). — «Лит. Россия», 1980, № 48, 28 ноября, с. 6 (то же, с разночтениями — «Комсомольская правда», 1980, № 285, 28 ноября; «Московская правда», 1980, № 272, 28 ноября) *.

Ал. Луганский (А. Я. Голяков). Терем царевны. Александру Блоку («Небеса строги и гневны...»). — «Начало», Иваново-Вознесенск, 1921, № 1, с. 5.

Елизавета Полонская. «Не испытали кораблекрушенья...» Александру Блоку. — Елизавета Полонская. Знаменья. Пг., 1921, с. 3.

* Согласно авторскому предисловию к публикации, это стихотворение было послано автором Блоку незадолго до его смерти. Однако в бумагах Блока оно не обнаружено, а по стиховой манере близко к более поздним сочинениям Игнева. Поэтому авторская датировка стихотворения 1921 г. принимается нами лишь условно.

В. А. Щеголева.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

Это было давно, это было давно
В королевстве приморской земли.

Зеленой пылью лес окутан,
Весенний яд в твоих глазах,
Зеленым хмелем сердце спутал,
Заворожил, но... в сердце страх.

Таится темная отрава
В прикосновеньи губ чужих.
О, сердце, сердце, — ты не право.
Но все равно. Твой этот миг.

* * *

Кровзавой лентой, лентой муки
Протянут путь мой к небесам.
Ловлю в смятеньи счастья звуки,
Бросаю страсть к твоим ногам.

Душа в сиянии застыла,
Голгофы путь открыла даль,
Безумьем сердце опалила
Любви томящая печаль.

Поет, летит мой челн опасный,
Несутся к звездам паруса.
Конец одию дороги страстной —
Голгофы черной три креста.

И нет спасенья, нет возврата,
В открытом море черный шквал,
Душа звенит, тобой объята,
Маяк погас... Девятый вал.

* * *

Неизбежно... силы нет,
Я в трясине темной муки.
Чары слов твоих — расцвет
Знойных снов в тени разлуки.

Пьяный, пьяный зов метели,
Сердце, сердце... не стучи.
Напевая, дремлют ели.
Знаю, ложь все, но молчи.

1921

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 474.

О Валентине Андреевне Щеголевой (1878—1931) см. в наст. томе.

Стихотворения Щеголевой были посланы Блоку по почте 28 апреля 1921 г. с припиской: «Прочтите и улыбнитесь легко». Эпиграф — из стихотворения Эдгара По «Аннабель Ли» в переводе К. Бальмонта.

II. СТИХОТВОРНЫЕ ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ БЛОКА

(в алфавитном порядке авторов)

Владимир Агагов. Ресторан. А. Блоку («Я в перегаре ресторанном...») (Август 1922). — Владимир Агагов. Зеркала. Киев, 1923, с. 12.

Арсений Альвинг.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

Я встречу с тобой утешен был однажды,
Такой и ласковой, и мудрой, и простой;
И постигая смысл твоей палящей жажды
С ее приманчивой, холодной тяготой,

Я только в эту ночь (под) тихий шум столицы,
У стен молчащего старинного кремля,
Впервые оценил душой твои страницы
В их лучезарности и снега, и огня.

О, музыкой твоей я был пленен и ране,
О, ритмы строк твоих пьянили и меня,
Но обнаженные, мучительные грани,
Но трепет ночи и кошмары дня,

Но эти взметы слов, но вихри и провалы,
Но тихий свет долин, но груды тяжких скал
В улыбке уст твоих и розовой и алой
Я только в эту ночь впервые разгадал.

И до зари почти мы тихо говорили
В получаду тоски, слиянья и стихов,
Простясь, тепло простясь, когда уже поплыли
Над нами контуры весенних облаков.

И сердцем как сейчас я слышу это: «Мне бы
Лишь ясно отличать, что живо, что мертво»...
И это было все лишь за год до того,
Как ты от нас ушел в сады и кущи неба.

25. X. <1922> Севастополь

Собрание Л. В. Горнунга, Москва.

Арсений Альвинг (Арсений Алексеевич Смирнов, 1883—1942) — поэт, прозаик, издатель. Руководитель издательства «Жатва» (1911—1916) и редактор одноименных альманахов, вокруг которых группировались в основном почитатели и подражатели И. Анненского. Встреча Альвинга с Блоком произошла, вероятно, 16 мая 1920 г., после вечера Блока в московском Политехническом музее. В бумагах Блока сохранилась датированная этим числом записка Альвинга (на обороте его визитной карточки) с просьбой «если это мыслимо, предоставить мне и друзьям моим возможность Вас услышать сегодня» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 122).

Анна Ахматова.

А Смоленская нынче именинница,
Синий ладан над травой стелется,
И струится пенье панихидное,
Не печальное нынче, а светлое.
И приводят румяные вдовушки
На кладбище мальчиков и девочек
Поглядеть на могилы отцовские,

А кладбище — роща соловьиная,
От сиянья солнечного замерло.
Принесли мы Смоленской заступнице,
Принесли пресвятой Богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее, —
Александра, лебедя чистого.

Август 1921

Анна А х м а т о в а. Anno Domini MCMXXI. Пб., 1922, с. 24.

«Смоленская нынче именинница» — день похорон Блока на Смоленском кладбище — 10 августа 1921 г. — совпал с праздником Смоленской Богоматери.

В автографе ИРЛИ последняя строка стихотворения читается: «Александра, лебедя мудрого».

Анна Ахматова.

Не странно ли, что знали мы его?
Был скуп на похвалы, но чужд хулы и гнева,
И Пресвятая охраняла Дева
Прекрасного поэта своего.

Август 1921

«Русская литература», 1970, № 3, с. 82 (в статье В. М. Жирмунского «Анна Ахматова и Александр Блок»). Автограф — библиотека Дома писателей в Ленинграде (на экземпляре второго тома «Стихотворений» Блока — М., «Мусaget», 1916).

Николай Ашукин.

Окутан облаком певучим,
Ты пел, роня жемчуг слов,
И музыка огнем текучим
Врывалась в сумрак наших снов.

И в зное лет, и в холод व्यжннй
Ты пел о голубом цветке,
С мечтой старинною содружный,
Тебе сверкнувшей вдалеке.

Мы под окном твоим стояли
И жадно слушали тебя.
Как родина суровой дали,
Твои напевы полюбя.

Кружились дни, летели ночи,
С тобой полнее стало жить,
Но с мигом каждым все короче
Твоя судьба крутила нить.

Смотрел, волнуясь, на дорогу,
Была душа тоской полна.
Ты знал, что муку и тревогу
Лишь побеждает тишина.

В тоске заламывая руки,
Ты уставал, и — изнемог.
И вот — средь пошлости и скуки
Ты не покинуть нас не мог.

От лести, славы бесполезной,
Ночных часов засыпша гул,
С необходимостью железной
На белых простынях уснул.

От жизни страстной и печальной,
Которой мучила земля.
Ушел на брег реки хрустальной
Ты в Елисейские поля.

Ушел, но — с нами: с нами песни!
Из-за Летейских берегов
Сияет образ твой чудесней
В туманном небе наших снов.

Здесь над могилой — крест и розы...
Так славой заревою дыши.
Чтоб нам поверить в мире прозы
В бессмертие твоей души!

9 авг<уста> 1921

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 87, в составе рукописного сборника «Памяти А. Блока», изданного в количестве четырех экземпляров книжной лавкой «Содружество писателей», Москва, 1921.

Николай Сергеевич Ашукин (1890—1968) — поэт, литературовед, библиограф. В качестве секретаря издательства К. Ф. Некрасова руководил в 1915 г. выпуском в свет «Стихотворений» Аполлона Григорьева под редакцией Блока; известны 18 писем Блока к Ашукину, связанных в основном с работой над этой книгой (ЦГАЛИ, ф. 1890, оп. 2, ед. хр. 1—4). После смерти Блока Н. Ашукин выпустил книги «Александр Блок. Синхронистические таблицы жизни и творчества 1880—1921. Библиография 1903—1923» (М., 1923) и «А. А. Блок в воспоминаниях современников и его письмах» (М., 1924).

В приводимом стихотворении — реминисценции из стихотворений Блока: «Последнее напутствие» (1914), «Все это было, было, было...» (1909), «Ветер стих, и слава зарева...» (1914) и др.

К. Бальмонт.

ПАМЯТИ БЛОКА

Снежный лик

Крутилась пушистая вьюга,
Он шел, не боясь ничего.
От Севера шел он до Юга,
Но Север скучал без него.

И кликнули в воздух мятели,
До вольчих приземившись ям.
И снежные птицы летели
Вернуть его снежным полям.

Кружились снежистые лики,
Был в саван весь город одет,
И вихри, безумны и дики,
Роняли мерцанья примет.

В зловещих полночных хоромах
Он пил золотое вино.
К отстою терзаний знакомых
Бело обнаженное дно.

Кружился он в пляске повторной,
В багряном свиданьи сердец.
И в сказке напевно-узорной
Острыйный змеился конец.

Снежистые пчелы летели,
Мерцал серебристый полет.
И лилии лунно глядели,
И был в них отравленный мед.

Крутятся, все напевы упали
На снежный обветренный скат
И в перстне, в заветном опале,
Зажегся кровавый гранат.

Заженный, светился, молился,
Истаял с оснеженной тьмой.
И с Млечной Дорогой слился
Изгнанник, пришедший домой.

Светлому имени

Упала пряжа в воздух лунный.
Из замка в узкое окно,
И кто-то снизу песнью струнной
Встречал текучее руно.

Тот рыцарь грезы заповедной
Качал серебряный призыв.
И зыбкой дымкой, лунно-бледной,
Оделась даль лугов и нив.

Напевом ткань перевивая,
Серебряный он строил мост

Туда, туда, где синь морская,
Туда, туда, где гроздь звезд.

И белый иней по долинам
Возник из звуковых примет,
Разлился садом соловьиным.
Одел весь воздух в светлый бред.

Восстали облачные храмы,
В одно связуя близь и даль,
Велением Прекрасной Дамы,
Ронявшей светлую вуаль.

ГРУППА МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Среди них (стоят, слева направо): А. Орешин, П. Зайцев, П. Антокольский, А. Петровский, Б. Пастернак, С. Шервинский и др. Сидят (слева направо): В. Звягинцева, Н. Павлович, С. Федорченко и др.

Фотография, 1926 (?)

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Вестник

Сверкало юное веселье,
Нас было много за столом.
Хмельные ворожили зелья,
И ночь расчислила излом.

Двенадцать било музыкально.
И чуть окончился тот звон,
Как что-то дрогнуло зеркально,
И к нам вошел, безвестный, он.

Я это знаю, помню это:—
Когда увидел я его,
Я снова причастился света
И вновь раздвинул вещество.

Чрез плоть и явь, где четкость зрима,
Туда, где вызвездилась мгла,
Где чуть прияв налеты дыма,
Мерцали лунно зеркала.

Кто был тот юноша красивый?
Я только знал, что он поэт,

Что этих нежных губ извивы
Нашепчут травам вешний цвет.

Я знал, что этот дух разъятый,
Грядущего расслышав гул,
Уже боролся с тьмой косматой
И в древний Хаос заглянул.

Я знал, что дальней высью синей
Ведом он в пропасти земной,
И чувствовал, что звездный иней
Крутится вихрем за стеной.

Со мной он чокнулся безгласно
Бокалом красного вина,
И я почувствовал так ясно,
Что вот, здесь жертва свершена.

Судьба иною влагой алой
Кропила место, час и миг,
Где этот рыцарь запоздалый
На лунной паперти возник.

⟨Октябрь 1921⟩

Первое стихотворение — «Звено», Париж, 1923, № 4, 26 февраля; второе и третье — «Дни», Берлин, 1923, № 214, 15 июля. Стихотворения датируются по очерку Бальмонта. «Три встречи с Блоком» («Звено», Париж, 1923, № 7, 19 марта).

О Константине Дмитриевиче Бальмонте (1867—1942) и его отношениях с Блоком см. выше в наст. книге («Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях»). См. также: А. П а р и с. «...Рыцарь грезы заповедной». — Лит. обозрение, 1980, № 11, с. 107—109.

В первом стихотворении, по-видимому, звучат отголоски стихотворения Блока «Погружался я в море клевера...» (1903; I, 265) — первого стихотворения Блока, услышанного Бальмонтом и очень ему понравившегося (см. в наст. томе, кн. 1 — «Блок в переписке с С. М. Соловьевым»).

А. Бать. Венок — певцу («Туманы стелятся над Русью...») — «На хлеб». Однодневная газета Южного товарищества писателей в пользу голодающих. Одесса, 1921, 29 августа.

А. Бельский. Александр Блок («Ты нашел свою Даму Прекрасную...»). — «Красноармейская правда», Смоленск, 1921, № 43, 10 августа.

Виталий Н. Беллев. Памяти А. А. Блока («Счастливый жребий твой, поэт!») (1921). — ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 35, л. 20.

Николай Берендгоф. Памяти А. А. Блока («Он с поднебесья землю щупал...»). — Николай Берендгоф. Лирика. М., 1923, с. 15.

Л. Бородин. После чтения Блока. Сонет. Посвящается Л. Д. Блок («Ты всю меня засыпал жемчугами!»). — ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 35, л. 22 (датировано: 15 сентября 1922).

Е. Брусиловская. На смерть Блока («Он в скит пришел и стал молиться...»). — Е. Брусиловская. Властительный костер. Одесса, 1922, с. 16.

Владимир Буйницкий. А. Блок («Догорел... И землю раскрыты объятья...»). — Владимир Буйницкий. Осеннее. Екатеринбург, 1922, с. 32.

Борис Бурицкий. Памяти А. Блока («Он как король на площадь вышел...»). — Сб. «„Арена“ — Блоку». Смоленск, 1921, с. 7—8.

Николай Бучинский. На смерть Александра Блока («Часы ударили набат...»). — ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 35, л. 16 (датировано: МСМХХI. Осень. В Москве).

Юрий Верховский.

НА СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Небесного коснулся дна	Нездешней силой сердце билось —
Твой дух глубинный, голос лирный:	И переполненная грудь
Такою стужей надмирной	Эфир разреженный вдохнуть
Душа твоя опалена.	Успела — и остановилась.

1921

«Лит. обозрение», 1980, № 10, с. 99.

О Ю. Н. Верховском см. выше в наст. публикации.

Максимилиан Волошин.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Я не сам ли выбрал час рождения,	Если ж угля в горне мало,
Век и царство, время и народ,	Господи — вот плоть моя!
Чтоб пройти сквозь муки и крещение	Труден подвиг русского поэта,
Совести, огня и вод?	И судьба недобрая ведет
Апокалипсическому зверю	Пушкина под дуло пистолета,
Ввергнутый в зияющую пасть,	Достоевского — на эшафот.
Павший глубже, чем возможно пасть,	Может быть, сей жребий тоже выну,
В скрежете и смраде — верю.	Темная, обугленная Русь,
Верю в правоту верховных сил,	И на дне твоих подвалов сгину
Расковавших древние стихи,	Иль в кровавой луже поскользнусь.
И из недр обугленной России	Доконает ли тупая злоба,
Говорю: «Ты прав, что так судил».	Голод, мор, топор иль штык лихой —
Надо до алмазного закала	Волю умереть с тобой
Прокалить всю толщу бытия:	И с тобой, как Лазарь, встать из гроба.

Коктебель, 1921

«Накануне», Берлин, 1922, № 106, 13 августа (литературное приложение № 13, с. 1).

Максимилиан Александрович Волошин (1877—1932) не принадлежал к близкому окружению Блока, но оба поэта были знакомы и не раз встречались в Петербурге; в част-

ности, Волошин присутствовал на первом чтении Блоком драмы «Песня Судьбы» в 1908 г. (см. VIII, 240). От него же Блок впервые услышал стихотворение Катулла об Аттисе (см. VII, 160), ставшее много позже центральным аргументом в одном из важнейших высказываний Блока об отношении лирической поэзии к общественной жизни («Катилина», 1918 — VI, 80—86).

В. Волошинов. Памяти Александра Блока («Я слышу длительные звоны...»). — «Искусство», Витебск, 1921, № 4-6, с. 3.

Анна Ганзен. Над могилой А. А. Блока («Над преждевременной могилой...»). — ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 35, л. 3 (датировано: 10. VIII. 1921).

Эммануил Герман.

НА СМЕРТЬ БЛОКА

Правит смерть с ярославских козед —
Забубенней нет ямщика.
Седока мороз заморозил —
Лилевоющий мак щека.

Уж не ты ль это, внук арапов?
Укачал тебя санный бег.
Эфиопская кровь, закапав,
Черным градом буравит снег.

Дуэлист, литератор, щеголь —
Ах, во всех этот мерзлый морс.
Овеваемый ваей Гоголь
В антарктических льдах замерз.

И меж тем как в оконной раме
Разузоривал холод тьму,
Тиховойных хвой веерами
Кроны пальм кивали ему.

И не твой ли поэт, Россия,
Леденя в объятьях шуб,
О чешуйчатый пламень змия
Согревает плоть Сологуб?

И не твой ли, не наш, не ныне,
В стае галок цветной павлин,
На зеленой полярной льдине
В Средиземье плывет Кузмин?

Черт бы взял тебя, скифский холод,
Замораживай, мучай, жги.

Вот еще человек заколот
Леденящим клинком пурги.

Не песок его — снег засыпет.
Ах, и этот пылал, как мак!
Ах, и этот не раз Египет
Прозревал сквозь полярный мрак!

Жаль, мороз, их! Не скажем «жаль» мы.
Мы ль не знаем: во весь свой рост
Южной гвардией встанут пальмы
На его пути на погост.

Мы ль не чуем: идут, как кара,
Многогорбых песков стада.
Огненным языком Сахара
Лижет синие ноги льда.

Мы ль не видим: раскинув мрежи
Над пучинами строк и вод,
Скифский отрок табун медвежий
Караванным путем ведет.

И во льдов изумрудной лаве,
Закипа, поет вода —
Первой песней тому, кто плавил
Кровью сердца бесстрашие льда.

И о ком этот рокот толков?
Не о том ли, кто в скифской тьме
Изошел, соловьем зашелкав
В ледяное лицо зиме?

Август 1921

Сб. «Трилистник», I, М., 1922, с. 37.

Эммануил Яковлевич Герман (1892—1963) — поэт, сотрудник журнала Горького «Летопись», автор сборников лирики «Растопленный полюс» (1918), «Скифский берег» (1920) и др., отмеченных влиянием акмеизма (см. рецензию В. Брюсова на «Скифский берег» — «Художественное слово», 1920, кн. 1, с. 57—58). Впоследствии известный сатирик, выступавший под псевдонимом «Эмил Кроткий».

Вая (церк.-слав.) — вербная ветка.

Андрей Глоба.

Восходит день за днем на плаху
И буйных будней длится нить,
Не успевает просушить
Палач кровавую рубаху.

Палач-Судьба к нам беспощадна...
Но меж утрат одна больней, —
Одна могила так громадна:
Твое, Россия, сердце в ней.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 87, в составе рукописного сборника «Памяти А. Блока», изданного в количестве четырех экземпляров книжной лавкой «Содружество писателей», Москва, 1921.

Андрей Павлович Глоба (1888—1964) — поэт, автор драматических произведений на исторические сюжеты и многочисленных вольных переложений народных песен разных стран.

Сергей Городецкий. Александру Блоку. 1. «Увенчан терном горькой славы...» (1921). — Сергей Г о р о д е ц к и й. Грань. М., 1929, с. 38.

Яков Городской. Александр Блок («Догорали свечи в строгом храме...»). — «Красный Николаев», 1921, № 208, 13 сентября.

С. Дионесов. Александру Блоку («В страну восходов ярко-алых...»). — «Искусство», Витебск, 1921, № 4—6, с. 6.

Степан Ежелин. Памяти Блока («Кто-то факел жизни опрокинул...»). — «Литературные вечера. Вечер первый. Стихи». Авторское изд. Пг., 1923, с. 10.

Н. Захаров-Мэнский. Памяти А. Блока («Я жалобной рукой сжимаю свой костыль...») (1922). — Н. З а х а р о в-М э н с к и й. Маленькая лампа. М., изд. Всеросс. Союза поэтов, 1926, с. 37.

Вера Звягинцева. А. Блоку. 1. «Качаешься в гробу стеклянном...»; 2. «Ты предстал от всей земли несчастной...» — Вера З в я г и н ц е в а. На мосту. М., 1922, с. 29—31.

Вера Звягинцева. «В Петербурге далеком крест...» — «Утренники». Пг., 1922, кн. 2, с. 4.

Вера Звягинцева.

А. БЛОКУ

От этого нельзя уйти, друзья:
Ноябрьский дождик каплет длинно,
И каждый в темноте — беспомощное я
В тоске простой, в тоске как жизнь старинной.

Что там гремит? История летит,
Огни и сырость, ночь, автомобили.
От смены правд земная грудь болит.
Как тихо. Как темно. Часы остановились...

И кажется мне, будто Петербург,
И с лестницы сойти — туманный пышный Невский,
Под желтым фонарем вдруг освещенный резко
Ты — родины прекрасный Тогенбург!..

...Так не бывает... Милый призрак мертв.
И песни, лучшие из петьх, затихают,
И за окном московский дождик льет,
И смерти не прогнать высокими стихами.

От этого нельзя уйти, друзья,
Оно на лоб ложится малой лядинкой
И замораживает ропот дня...
Все вызваны на этот поединок.

1922

Вера З в я г и н ц е в а. Московский ветер. М., «Узел», 1926, с. 27, без даты. Датируется по изданию: Вера З в я г и н ц е в а. Избр. стихи. М., 1968, с. 33.

Вера Клавдиевна Звягинцева (1894—1972) — поэтесса, в юности — актриса Театра им. Мейерхольда в Москве. Во вступительной статье Л. А. Озерова к «Избранным стихам» Звягинцевой (М., 1968) приводится (с. 13) такое высказывание Звягинцевой: «Блока я разглядела в юности по цитируемым строчкам в журнальных статьях, когда <...> читала случайно доходящие до провинции журналы. Люблю его больше всех на свете». В той же статье отмечается «совмещение начал Некрасова с началами Блока» в поэзии Звягинцевой.

Тогенбург — персонаж баллады Шиллера «Рыцарь Тогенбург» (1797), известной в русском переводе В. А. Жуковского.

(I)

В глухой стене проломанная дверь,
И груды развороченных камней,
И брошенный на них железный лом,
И глубина, разверстая за ней,
И белый прах, развеянный кругом, —
Всё — голос бога: «Воскресенье верь».

10.VIII.1921. Баку

(II)

Отгорел твой костер. Незнакомка знакомая
Позвала, обняла, увела...
Когда ж мою путницу заслышу из дома я,
С ней пойду из чужого угла?
Мы по-своему каждый свое ясновидели
И хватились золотого кольца.
Родное и кровное мы оба обидели
Кто мать? Кто — живого отца?
Мы веревкой одною по чреслам повязаны
И друг друга таясь, как врага,
Шли единой стремительною; но были заказаны
Нам обоим святые снега.

〈Август 1921, Баку〉

Первое стихотворение — «Современные записки», Париж, 1937, № 63. В рукописи — приписка автора: «Баку 10. VIII, вечером, при виде проломанной в университетском коридоре двери. Утром узнал, что вчера в 10 ч. утра умер Александр Блок» (см.: Вяч. И в а н о в. Свет вечерний. Оксфорд, 1962, с. 193—194).

Второе стихотворение (неоконченное) — Вяч. И в а н о в. Свет вечерний. Оксфорд, 1962, с. 194.

В 1921 г. Вячеслав Иванов был профессором классической филологии Бакинского университета. Его высказывания этой поры о Блоке см.: М. С. А л ь т м а н. Из бесед с поэтом Вячеславом Ивановичем Ивановым (Баку, 1921 г.). — «Труды по русской и славянской филологии», XI, Тарту, 1968, с. 305, 306. 23 августа 1921 г. Вяч. Иванов выступил в Баку с публичной лекцией о Блоке (отчет о лекции см.: «Бакинский рабочий», 1921, № 194, 25 августа; см. также: Н. К о т р е л е в. Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета. — «Труды по русской и славянской филологии», XI, Тарту, 1968, с. 334).

⟨Е. Изахсон⟩. Памяти Александра Блока («Сумрак поднялся из темных глубин...»). — Девиз (Д-р Ев. Из-н). Нумана (Человеческое). Пг., 1923, с. 19.

А. Исаев. Памяти Александра Блока («Цветущий сад российского искусства...»). — «Искусство», Витебск, 1921, № 4-6, с. 6.

Александр Китаев. В закрытой комнате. Посвящается Александру Блоку («Не за окном, не у дверей...»).— Сб. «Арена» — Блоку», Смоленск, 1921, с. 9—10.

Вера Ключева.

ПАМЯТИ А. БЛОКА

Да святится имя Твое, Мария! —
Или это приснилось мне?
Бледный рыцарь меж горных
крылий
Проскакал на черном коне.

В этот день отслужили панихиду
По рабу Александру мы.

Жизнь казалась страшной обидой,
И закат — суровее тьмы.

Даже ночью не заискрились звезды.
Только в тучах грохот подков.
И звучало хоралом грозным:
«Смерти нет во веки веков!»

1921

«Лит. газета», Казань, 1921, № 1, 1 сентября, под заглавием «Отошедшему». Вторично, под измененным заглавием — Вера К л ю е в а. Акварели. Казань, 1922, с. 39.

Вера Николаевна *Клюева* (1894—1964) — поэтесса, лингвист, фольклорист. Написанный ею некролог Блока см.: «Известия», Казань, 1921, 18 августа.

Да святится имя Твое, Мария! — ср. у Блока: «Ты в поля отошла без возврата. / Да святится Имя Твое!» (1905; II, 7).

Борис Коплан.

КЛАДБИЩЕ НАД МОРЕМ

Памяти А. Блока

Хожу один между могильных плит,
Внимая тихому лобзанию волн.
Незримый дух молчание хранит,
В вечерних сумерках белеют валуны.

Не здесь ли, странник, соловьиный сад?
Ты видишь сам: здесь край земли.
Пускай не приплывают корабли —
Ты не пойдешь назад.

Останусь здесь, у моря, до луны.
Темнеет в сумерках лепечущий тростник.
К нему, таинственно немотствуя, приник
Ревнивый челн, возлюбленный волн.

Останусь здесь, а за моей спиной
Могильною очерченный стеной
Печальный сад, не соловьиный сад,
Где вечный страж у незакрытых врат.

Рыбачья Деревушка

Борис К о п л а н. Стансы. Пг., 1923, с. 3.

Борис Иванович *Коплан* (1898—1942) — поэт, литературовед, автор работ о русской поэзии XIX в.

Геннадий Коренев. Блок («Твои стихи — над городом осенним...»). — «Гоним», Самара, 1922, № 1, с. 2.

Александр Кочетков. Памяти Блока. Совет. Вячеславу Иванову и Вере Меркурьевой («Мы вновь втроем у круглого стола...»). — ЦГАЛИ, ф. 2189, оп. 1, ед. хр. 4, л. 133 (в составе рукописного сборника А. Кочеткова «Спасов ларчик», 1922).

А. Крайский. Она пришла (Памяти Александра Блока) («Отыскивал вьюгой снежной...») (Август 1921). — «Красная газета», 1922, № 175, 5 августа.

Л. Кунин. В «Соловьином саду». Памяти А. Блока («За ограду соловьиного сада...»). — «Всемирная иллюстрация», 1923, № 12, с. 22.

Б. Курдюновский. На смерть Блока («И вновь с волнением читаю...») (1921). — ГПБ, ф. 1000, оп. 2, ед. хр. 700, л. 122 (в составе рукописного сборника Б. Курдюновского «Зорри»).

Ангелис Лбовский. Стихи на смерть Александра Блока («Там, в Петрограде бледносером...»). — ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 35, л. 10 (датировано: август 1921 г., Ярославль).

В. Лебедев. А. А. Блоку («Когда, изменчивы и ломки...»). — «Жизнь искусства», Пг., 1922, № 33, 22—28 августа.

Конст. Липскеров.

Владеет бытием мучительным поэта
Внимательный Господь. Его он знает срок.
И Пушкин наземь пал, когда он жить не мог,
Чтоб воспарить среди певучего расцвета.

Не горько мне звучит: он умер, снежный Блок.
К чему о нем печаль? Зачем возникла эта
Тень малодущия? Душа его согрета,
Как прежде, музыкой полувоздушных строк

Ничто не кануло, ничто не изменило.
Лишь то он позабыл, что в днях его томило,
Лишь горестных страстей избег он водоверть.

О девушка! Платок свой траурный не комкай.
Качая перьями, прекрасной Незнакомкой
Склонилась к Рыцарю измученному Смерть.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 87, в составе рукописного сборника «Памяти А. Блока», изданного в количестве четырех экземпляров книжной лавкой «Содружество писателей», Москва, 1921.

Константин Абрамович *Липскеров* (1889—1954) — поэт, переводчик восточной поэзии, автор сборников «Песок и розы» (1916), «Золотая ладонь» (1922), «День шестой» (1922) и др.

«И Пушкин наземь пал, когда он жить не мог...» — вероятно, переключка с блоковской рецью «О назначении поэта»: «Пушкина <...> убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха» (VI, 167).

Lolo (Л. Г. Мунштейн). 11-ое августа («Плакать мне проклятия мешают...»). — «Последние новости», Париж, 1921, № 410, 18 августа.

Lolo (Л. Г. Мунштейн). Памяти Блока («Прочтите эту повесть краткую...»). — «Последние новости», Париж, 1921, № 419, 28 августа.

Ал. Луанский (А. Я. Голяков). На смерть Александра Блока («И ты замолкнул, мой рыцарь бледный...»). — «Рабочий край», Иваново-Вознесенск, 1921, № 179, 14 августа.

Николай Луцманов. Пьерро над гробом. Александру Блоку («Закат свои запекшиеся губы...»). — Сб. «Арена» — Блоку», Смоленск, 1921, с. 11—12.

М. М. Памяти А. А. Блока («Мудрой Афине, божественной...»). — ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 35, л. 28.

Сергей Маковский. Сердце рыпаря. Посвящается памяти А. Блока («Красой подобная весне...»). — «Сполохи», Берлин, 1921, № 2, с. 3.

Лев Мурогин. Александру Блоку («Над холодной Невой, в снежной маске из вьюг...»). — ЦГАЛИ, ф. 2094, оп. 1, ед. хр. 880.

Николай Навесский. «Пришла весна обманвыми путями...» Посвящается А. А. Блоку. — Сб. «Арена» — Блоку», Смоленск, 1921, с. 13—14.

Анатолий Наль. Александру Блоку («Подсолнухом солнца фонарь...») «Искусство и театр», Ташкент, 1922, № 1, 5 августа, с. 3.

Владимир Нарбут.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

Узнать, догадаться о тебе,
Лежащем под жестким одеялом,
По страшной, отвиснувшей губе,
По темным, под скулами, провалам?..
Узнать, догадаться о твоём
Всегда задыхающемся сердце?..
Оно задохнулось!
Не придем
На пятый этаж на Офицерской...
Не будем размеривать слова...
А здесь, перед обликом извечным,
Плюгавые флоксы да трава,

Да воском заплеванный подсвечник.
Заботливо женская рука
Тесемкой поддерживает челюсть,
Цынгой раскоряченную...
Так,
Плешивый, облезший — на постели!
Довольно!
Гранатовый браслет —
Земные последние оковы,
Сладчайший, томительнейший бред
Чиновника (помните?) Желткова.

«Александра Павловна», Харьков, «Лирень», 1922, с. 30.

Владимир Иванович *Нарбут* (1888—1938?) — поэт, вместе с М. А. Зенкевичем составивший «левый фланг» акмеизма. Автор сборников «Аллилуйя» (1912), «Плоть» (1920), «Александра Павловна» (1922) и др. Для его поэтики характерны гротескно-сниженная образность, укрупненная подача бытовых деталей (характерно, что неизданный цикл стихотворений Нарбута 30-х годов носит название «Под микроскопом»). В ранних стихах Нарбута, особенно в сборнике «Аллилуйя», есть сходство с некоторыми идейно-тематическими мотивами блоковской поэзии (в особенности с теми, которые наиболее отчетливо выразились в стихотворении «Грешить бесстыдно, непробудно...» — 1914; III, 274).

В 1918—1919 гг. Нарбут редактировал в Воронеже двухнедельник «Сирена» (вышло пять номеров, в том числе два сдвоенных), в котором участвовали многие видные поэты; все пять стихотворений, посланных Блоком Нарбуту для этого журнала (см. ЗК, 429—430), появились на его страницах. Нарбут оставил краткие воспоминания о Блоке («Календарь искусств», Харьков, 1923, с. 2—3).

Желтков — герой рассказа А. Куприна «Гранатовый браслет», бедный чиновник, всю жизнь тайно влюбленный в светскую даму.

⟨*Неустановленный автор*⟩. А. А. Блоку («Семь дней тревожил ветр певучий...»). — ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 35, л. 6 (датировано: 16 авг. 1921; список рукой А. А. Кублицкой-Пиотух).

⟨*Неустановленный автор*⟩. «Ледяную боль хранят ступени...» — ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 35, л. 7 (датировано: август 1921; помета: «На черной лестнице. Офицерская, 57»; список рукой А. А. Кублицкой-Пиоттух).

⟨*Неустановленный автор*⟩. Могиле ААБ («Звонит в листья осенняя тревога...»). — ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 35, л. 11 (датировано: 24 сент. 1921; список рукой А. А. Кублицкой-Пиоттух).

⟨*Неустановленный автор*⟩. ААБ («Трепетно жду огнецветного знака...»). — ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 35, л. 12 (датировано: 24 сент. 1921; список рукой А. А. Кублицкой-Пиоттух).

⟨*Неустановленный автор*⟩. ААБ («Отчего не удержиимо льется...»). — ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 35, л. 12 об. (датировано: 24 сент. 1921; список рукой А. А. Кублицкой-Пиоттух)*.

Иван Носиков. Памяти Блока («Умер Блок. Как призрачно леса...», — Собрание М. И. Новиковой-Принц (датировано: август 1921. Жолнино).

Иван Новиков.

БЛОК

Блок не солнечный, а лунный: Как свеча, как ятаган —
Приглушенный рокот струнный, Сквозь неспешный ураган.
Хруст апрельского снежка,
Голоса издалека.

Запинанье твердой речи, Все преступно в этом мире,
В сюртуке прямые плечи: Все невинно в этой лире,
Близкий, но и издамече! На болоте пир; изба;
Нежный, строгий; мягок, горд; Мертвый воск крутого лба.

Хладный и кипящий лед. И дыханье отлетело,
Шествие тяжелой бури, Отгорело страстью тело,
Месяц луч сквозь бую щурит: Стало бело в белом дне,
А грехи — в безгрешном сне. 1921

Иван Н о в и к о в. Под родным небом. М., 1956, с. 160.

Иван Алексеевич *Новиков* (1877—1959) — поэт и прозаик, в молодости близкий к символистам; впоследствии автор популярных исторических романов («Город, море, деревья», «Пушкин в изгнании»). Встречался с Блоком в 1912 г. («Обедал И. А. Новиков — милые речи» — VII, 143, запись в дневнике от 4 мая 1912) и позднее. Известны два кратких письма Блока к Новикову (ЦГАЛИ, ф. 343, оп. 2, ед. хр. 35). Новиков оставил краткий мемуарный очерк о Блоке «Образ поэта» (см.: Иван Н о в и к о в. Собр. соч., т. 4. М., 1967, с. 357—364).

О. Н. Памяти А. Блока («Он ушел, измученный сумрачными бредами...»). — «Восход», Чита, 1921, № 1, 15 октября, с. 16.

Надежда Павловна. Его памяти: «Вот он в гробу, в георгинах и розах...»; «Посмотри, небо стало шире...»; «Божья Матерь! Его осени...»; «Спутник («На тех путях, где гаснут все печали...»). — Надежда П а в л о в н а. Берег. Пб., «Неопалимая купина», 1922, с. 51—60 (первые три стихотворения цикла впервые — «Записки мечтателей», 1922, № 5, с. 28—29).

Вот он в гробу, в георгинах и розах Статный, красивый, золотокудрый
Так спокойно и грустно спит; Лежит, не дышит в огнях и в цветах.
В золотых георгинах и красных розах
Над ним тоска неотступно стоит.

И детской улыбки, лукавой и мудрой, Только тревожить его не надо...
Больше не будет на бледных устах; Поклонись, поцелуй, отойди!..
Свете тихий святых лампады, Святая София на мертвой груди...

Вот он в гробу, в георгинах и розах... — ср. у Блока: «Вот он — Христос — в цепях и розах...» (1905; II, 84).

Святая София на мертвой груди... — ср. в воспоминаниях Надежды Павловны описание Блока на смертном одре: «Прекрасное, суровое лицо, лицо Страшного суда. Скреплены руки, а на бледных желтоватых пальцах образ Богоматери». («Блоковский сб.», 1, с. 496).

* Возможно, именно эти стихотворения имеет в виду М. А. Бекетова в своей биографии Блока: «Близкие находили на ней (могиле Блока) чьи-то стихи, обращенные к поэту» (М. А. Б е к е т о в а. Александр Блок. Л., 1930, с. 305).

Надежда Павлович. «В тишине непоправимой...»; «В пустынном небе север мне ска-
зался...»; «Мы в катакомбах темных скрыты...»; Положение во гроб («На траву его поло-
жили...»); «Золотые ворота на белом снегу...»; «В сизых сумерках ты встаешь...»; «Покро-
ва Пресвятой Богородицы...»; «Как прежде закатом окна горят...»; «Прихожу на твою мо-
гилу...»; «И улиц знакомых изгибы...»; «Я не знала лица страшнее...»; «Осиротелый вход,
осиротелый дом...»; «Он спит и так трудно дышит...»; «Не его, не его схоронили!»; «Земля
предо мною стеклянною стала...»; «И опять поют соловьи...». — Надежда П а в л о в и ч.
Золотые ворота. М., «Костры», 1923, с. 5—6, 9—12, 21—22, 25, 36—40.

У забытых могил...

Ал. Блок

Я не знала лица страшнее
И не знала прекрасней лица...
Так и будешь над жизнью моею
Ты стоять и глядеть без конца.

Чтоб не слушала речи земные,
Ты покрыл меня тяжким плащом,
Не глядела б в глаза молодые,
Заслонил высоким плечом.

И куда ни пойду — остановит
Твой суровый голос — меня,
То ли звуком тоски и любви,
То ли черным ожогом огня.

И не перстень на палец, а крестик,
Улыбаясь, ты мне подарил,
Чтоб навеки уснули мы вместе
Под травой забытых могил.

Эпиграф — из стих. Блока «У забытых могил пробивалась трава...» (1903; I, 274).

Сергей Рафалович. Памяти Ал. Блока («Он был среди нас, изысканных и мудрых...»). — «Фигаро», Тифлис, 1921, № 2, 25 декабря.

Степан Родионов. Память Блоку («Померкла яркая звезда...»). — ЦГАЛИ, ф. 2094, оп. 1, ед. хр. 880.

Семен Родов. Памяти А. Блока («О, как бы ты ни тосковала...»). — «Известия», М., 1921, № 176, 11 августа.

Всеволод Рождественский.

ПАМЯТИ БЛОКА (7 авг. 1921 г.)

Обернулась жизнь твоя цыганкою,
А в ее мучительных зрачках:
Степь, закат, да с горькою тальянкою
Поезда на запасных путях.

Ты глазами, словно осень, чистыми,
Пьешь Россию в первый раз такой:
С полустанками, телеграфистами,
Степью, рудниками и рекой.

В пламенное наше воскресение,
На разбой — за голенищем нож —
На раскольничье самосожжение
Ты за ней, красавицей, пойдешь.

Довелось ей быть твоей подругой
Непутевой ночью, без креста,

В первый раз хмельной крещенской выюгой
Навсегда поцеловать в уста...

Трех свечей глаза мутно-зеленые,
Дождь в окне и острые, углом,
Вижу плечи — крылья преломленные —
Под измятым черным скюртуком.

Спи, поэт! Колокола да вороны
На Смоленском дом твой стерегут.
От тебя на все четыре стороны
В злую степь дороженьки бегут.

Не в церквах за душною обеднею
Лебедей закатных отпевать.
Был ты нашей песнею последнею,
Лучшей песней, что певала мать.

«Записки Передвижного театра П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской», 1923, № 61, с. 1.

Всеволод Александрович Рождественский (1895—1977) — поэт, в 1920 г. был секретарем петроградского Союза поэтов (в бытность Блока председателем Союза). В своем творчестве испытал влияние Гумилева и других акмеистов, однако в конфликте Блока с Гумилевым в Союзе поэтов занимал сторону Блока. Оставил книгу воспоминаний, в которой одна из глав целиком посвящена встречам с Блоком (Всеволод Р о ж д е с т в е н с к и й. Страницы жизни. Из литературных воспоминаний. М. — Л., 1962, с. 218—244).

Юрий Росимов (Офросимов). На смерть Ал. Блока («Где вы, о где напевы...»). — «Время», Берлин, 1921, № 164, 22 августа.

Н. Роцупкина. Самосожжение. Посвящается А. Блоку («Твоя душа была чиста...»). — «Народное просвещение», Курск, 1921, № 7, 1 октября, с. 18.

Леонид Рутковский. Незнакомец (Памяти Александра Блока). («Хоть имя славное не громко...»). — «Советская Сибирь», Новониколаевск, 1921, № 170, 12 августа.

Илья Садофьев. Памяти А. Блока («Не все уходит в невозвратное...»). — «Жизнь искусства», Пг., 1922, № 32, 15—21 августа.

Дмитрий Самсон. Памяти Александра Блока («Твой лик печальный и взор твой синий...»). — Сб. «Из недр земли», Рязань, 1922, с. 36.

Игорь Северянин.

НА СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Мгновенья высокой красоты!
Совсем незнакомый, чужой
Прислал мне «Ночные часы».
Я надпись его приведу:
«Поэту с открытой душой».

Десятый кончается год
С тех пор. Мы не сблизились с ним.
Встречаясь, друг к другу не шли:
Не стужа ль безгрядных высот
Смутила поэта земли?
Но дух его свято храним
Раздвоенным духом моим.
Теперь пережить мне дано
Кончину еще одного

Собрата-гиганта. О Русь
Согбенная! горбь, еще горбь
Болящую спину. Кого
Теряешь ты ныне? Боюсь,
Не слишком ли многое? Но
Удел твой — *победная* скорбь.

Пусть варваром Запад зовет
Ему *непосильный* Восток!
Пусть смотрит с презреньем в лорнет
На русскую душу: глубок
Страданьем очищенный взлет,
Какого у Запада нет.
Вселенную, знайте, спасет
Наш *варварский* русский Восток!

«Свободное слово», Ревель, 1921, 22 августа.

Отношение Блока к Игорю Северянину (Игорю Васильевичу *Лотареву*, 1887—1941) было в разное время неодинаковым. Так, в марте 1913 г. Блок записал в дневнике в связи с выходом книги Северянина «Громокипящий кубок»: «Это — настоящий, свежий, детский талант. Куда пойдет он, еще нельзя сказать; что с ним стряется: у него нет темы» (VII, 232). Однако 10 ноября 1915 г. Блок отметил в записной книжке: «Молодежь самодовольна, «аналитична», с хамством и вульгарностью. Ей культуру заменили Вербицкая, Игорь Северянин и др.» (ЗК, 277). А в 1919 г., в рецензии на стихи А. Ф. Мейснера, Блок возвел Северянина по прямой линии к капитану Лебядкину (VI, 338, 340). См. также замечания Блока о Северянине в воспоминаниях Вас. Гиппиуса (В. В. Г и п п и у с. Встречи с Блоком. — В кн.: В. В. Г и п п и у с. От Пушкина до Блока. М. — Л., 1966, с. 337—338).

В последней строфе стихотворения Северянина, по-видимому, переключка со «Скифами» Блока. Местонахождение экземпляра «Ночных часов» с дарственной надписью Северянину в настоящее время неизвестно.

Вл. Сирин. На смерть А. Блока («За туманами плыли туманы...»). — «Руль», Берлин, 1921, № 225, 14 августа.

Вл. Сирин.

НА СМЕРТЬ А. БЛОКА

Пушкин — радуга по всей земле,
Лермонтов — путь млечный над горами,
Тютчев — ключ, струящийся во мгле,
Фет — румяный луч во храме.

Все они, уплывшие от нас
в рай, благоухающий широко,
собрались, чтоб встретить в должный час
душу Александра Блока.

Выйдет он из спутанных цветов
из ладьи, на белые ступени...
Подойдут божественных певцов
взволновавшиеся тени.

Пушкин — выпуклый и пышный свет,
Лермонтов — в венке из звезд прекрасных,
Тютчев, веющий росой, и Фет,
в ризе тонкой, в розах красных.

Подойдут с приветствием к нему,
возликуют, брата принимая
в мягкую цветную полутьму
вечно-дышащего мая.

И войдет таинственный их брат,
перешедший въюги и трясины,
в те сады, где в зелени стоят
серафимы, как павлицы.

Сядет он в тени ветвей живых,
в трепетно-лазоревых одеждах,
запоет о сбывшихся святах
сновиденьях и надеждах.

И о солнце Пушкин запоет,
Лермонтов — о звездах над горами,
Тютчев — о сверканьи звонких вод,
Фет — о розах в вечном храме...

«Руль», Берлин, 1921, № 256, 20 сентября.

Вл. Сирин (Владимир Владимирович Набоков, 1899—1977) — поэт, прозаик. Первую книгу («Стихи», Пг., 1916) выпустил под настоящей фамилией. С 1919 г. — в эмиграции; выпустил под псевдонимом книги стихов «Горний путь» и «Гроздь» (обе — Берлин, 1923) и ряд романов («Машенька», «Защита Лужина», «Приглашение на казнь», «Дар» и др.). С 40-х годов писал преимущественно по-английски (романы «Пнин», «Лолита», «Бледный огонь», «Ада» и др.), публикуясь под настоящей фамилией.

В приведенном стихотворении изображена фантастическая картина загробной встречи Блока с его предшественниками в истории русской поэзии, автор, по-видимому, использовал мотивы IV песни «Ада» из «Божественной комедии»: встреча Данте с теньми великих поэтов античности.

Скиталец (С. С. Петров). Рыцарь Незнакомки. Баллада. Памяти Блока («Был в старину чертог, обитель песен звездных...»). — ГБЛ, ф. НС, п. 8, ед. хр. 42.

Андрей Скорбный (Вл. Викт. Смирнский). На смерть А. А. Блока («На холодные ступени храма...»). — Андрей Скорбный. Большая любовь. Пб., 1922, с. 21.

Е. Смолин. Памяти Блока («Седого утра странник одинокий...»). — «Воля России», Прага, 1921, № 203, 11 сентября.

Сергей Соловьев.

СТИРФОРС

Посвящ(ается) памяти А. А. Блока

Благородный и преступный,
Избалован, властен, горд, —
Ты со мною неотступно,
Ледяной, блестящий лорд.

Мать бела, как изваянье,
Дом безмолвен, глух и сер...
На приличном расстоянии
Безупречный Литтимер.

Что за тайная угроза
Здесь нависла? Почему
Усмехнулась злая Роза
Господину своему?

Разъяренная пантера —
Что предчувствует она?
Шаг размерен Литтимера,
В мертвом доме тишина.

Ах, зачем радушно принят
Юный лорд у рыбака?
Он обманет, он покинет
Ветреного мотылька.

Чем ты, Стирфорс, околдован?
В дымной хижине, один,
Что ты смотришь, зачарован,
В потухающий камин?

Что тебе чужое горе?
Дом родительский угрюм...
Только лодки, только море,
Только бури полнят ум.

Верь же, верь своей поэме,
Направляя легкий челн,
Где тебе малютка Эмми
У морских смеется волн.

Упоен и равнодушен,
Ты не думаешь о том,
Что рукой твоей разрушен
Не один счастливый дом.

Что за буря разыгралась
В вихре волн и облаков?
Уж затоплен весь Ярмауз,
Тонут сети рыбаков.

Нет, не надо жертв беспечных:
На песке морском простерт,
Меж обломков корабельных
Ты лежишь, прекрасный лорд.

Вот куда тебя манила
Убегавшая ладья!
Вся взята морской могилой
Юность гордая твоя.

Покорившись грозной каре,
Словно сделан из льда,
Дремлешь ты, как в дортуаре
В те далекие года.

Мать бела, как изваянье.
Слуг воспитанных пример —
На приличном расстоянии
Встал с поклоном Литтимер.

Сб. «Лирический круг», М., 1922, с. 21—23.

О Сергее Михайловиче Соловьеве см. выше в наст. публикации, а также в кн. 1 наст. тома.

Стирфорс — персонаж романа Диккенса «Дэвид Копперфилд», старший друг и «злой гений» главного героя. Возможно, что, посвящая памяти Блока стихи об этом диккенсовском персонаже, С. Соловьев имел в виду как «трагический дендизм» Блока, так и ту роль, которую, как ему тогда представлялось, сыграл Блок в его собственной жизни, — роль «учителя-искусителя», сходную с ролью Стирфорса в жизни Дэвида Копперфилда.

Роза — любовница Стирфорса, компаньонка его матери. *Эмми* — девушка-рыбачка, соблазненная Стирфорсом. *Ярмауз* (Ярмут) — город, близ которого Стирфорс погиб в море во время шторма. *Литтимер* — слуга Стирфорса.

Федор Сологуб.

Элой тоскует о кончине Блока.

За стеной таится, слушает морлок.

Думает: — Жалекот, что издохла клока.

Курицы им жалко, — думает морлок.

Что морлоку скажут наши все мечтанья,

Наших вдохновений пламенный полет?

Все, что выше выгод, выше пониманья,

Курица полезна — яйца несет.

Объяснять морлоку, — это, мол, не клока,

Это наш любимый стихотворец Блок?

Не трудите мозги темного морлока,

Что стихи морлоку? Что морлоку Блок?

8. VII. 922

ЦГАЛИ, ф. 391, оп. 1, ед. хр. 31 (список рукой Д. М. Пинеса).

О Федоре Кузьмиче Сологубе и его отношениях с Блоком см. выше в наст. публикации. *Элой* (правильнее — элой) и *морлок* — человекоподобные существа отдаленного будущего, описанные в романе Г. Уэллса «Машина времени» (1895): элой — утонченные и беспомощные созерцатели, морлоки — грубые потребители. *Клока* — курица (*диал.*).

Сергей Спасский.

ПАМЯТИ А. БЛОКА

В стремительные времена, в иные
Блестанья дней душа, как рог, поет.

Вот табуном зарницы огневые

Немой перебегают небосвод.

Что я могу? Лишь этот бред всегдашний,

Нахлынувший, как ветер, на меня —

— Россия, бурей вспаханная пашня,

Где зреют зерна гнева и огня.

И грудь, как гроб. В ней костенеет слово.

И на узлах разорванных дорог

Крылатой конницей виденья Соловьева

Ворвались в мрак.

Но заклинает Блок

Летучей музыкой взъяренные стихи,

И сердцу вновь таинственно ясна

Светящаяся женственность, София, —

Прозрачная и звучная Весна.

Сб. «Экспрессионисты». М., «Сад Академа», 1921, с. 6.

Сергей Дмитриевич Спасский (1898—1956) — поэт и прозаик; в юности был близок к футуристам, испытал сильное влияние Пастернака. Приводимое стихотворение относится к тому времени, когда Спасский, по его собственным словам, «предлагал синтез между футуристами и классиками» (Сергей С п а с с к и й. Маяковский и его спутники. Л., 1940, с. 147).

Павел Сухотин.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Промелькнула у трамвая

По мостам, у белых стень

Путь-дорога зарева

К неизведанному в плен.

Торопила нас лихая

Сила весен на лету...

Тут же, цепью громыхая,

Я бреду теперь в поту.

Вместо крыльев за плечами

Сумка нищая легла.

Я изранен весь мечами

Солнца и людского зла.

И, вплетаясь в безобразный

Жизни повседневный круг,

Я спешу куда-то, праздный,

И несу ромашек пук.

Этот скромный, безуханный,

С детства памятный цветок

На бульваре отрок странный

За бумажный отдал клоч.

И сказал он мне, безумный,

Серый, как земная твердь,

Что с полей он в город шумный

Приплелся на смерть.

Что у матери-природы
Запеклись в крови уста,
Что рука самой Свободы
Ослепительно пуста.
Что повсюду — пепелище,
И велик Убогий Дом,
Что душа моя — кладбище
С Нею под одним крестом.
Что в груди сердечным стуком
Заповедано число

Для того, кто шел по мукам,
В ком нездешнее цвело.
Кто любил, как ты, великий,
Нашу бедную страну
И в венке ромашки дикой
Отошел навек ко сну.
И тебя, благоговей,
Нынче помяну в ночи.
Ты же, сердце, поскорее
Срок последний отстучи!

Москва, 20 августа 1921 г.

Павел Сухотин. В черные дни. М., изд. 3. И. Гржебина, 1922, с. 6.

О П. С. Сухотине см. выше в наст. публикации. Сборник «В черные дни», из которого взято приводимое стихотворение, снабжен следующим авторским предисловием:

«Называя этот сборник «В черные дни», я посвящаю его ушедшему от нас Александру Блоку, — так написал он мне на своей последней книжке, в последнюю нашу встречу в Петербурге, на Пряжке, и еще добавил: «пусть еще когда-нибудь свидимся». Да, мы свидимся! Павел Сухотин. Москва, 15 августа 1921 г.»

О встрече с Сухотиным в феврале 1921 г. см. краткую запись в дневнике Блока (VII, 420). Ср. также дневниковую запись Блока от 6 февраля 1921 г.: «Следующий сборник стихов, если будет: «Черный день» (VII, 403). О П. С. Сухотине см. также выше в наст. книге: «Дарственные надписи Блока на книгах и фотографии».

Павел Сухотин. Поминки поэту. Сцены («в стихах»). М., «Книгопечатник», 1922, 32 с. (На шмуцтитуле: Памяти Александра Блока).

Виктор Третьяков. Памяти А. Блока («Из синих весен, из рассветных дымов...»). — «Сегодня», Рига, 1921, № 183, 14 августа.

Кондратий Тупиков (Урманов). Принцу Прекрасной Дамы (Памяти Александра Блока) («В белой пустыне, повитой туманом...»). — «Советская Сибирь», Новониколаевск, 1921, № 170, 12 августа.

Борис Ушаков. Памяти Александра Блока («Как жутко читать кричащие и немые...»). — «Общее дело», Париж, 1921, № 395, 16 августа.

Геннадий Фиш. «Я люблю твои площади, каналы, панели...» (Памяти А. Блока). — ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 35, л. 13—14 (датировано: Петербург. Осень 1921).

Арсений Формаков. Памяти Блока. Стихи запоздалые («Белого Блока замела вьюга...»). — «День», Рига, 1922, № 5, 25 сентября.

Ив. Хуртин. Венок Александру Блоку («Отошел ты от нас иль пришел...»). — ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 35, л. 1.

Марина Цветаева. Стихи к Блоку. 10. «Вот он — гляди — уставший от чужбин...»; 11. «Други его — не тревожьте его...»; 12. «А над равниной...»; 13. «Не проломанное ребро...»; 14. «Без зова, без слова...»; 15. «Как сонный, как пьяный...»; 16. «Так, Господи! И мой обол...» — Марина Цветаева. Стихи к Блоку. Берлин, «Огоньки», 1922, с. 29—47 (стихотворение 11 впервые — сб. «Пересвет», М., 1921, с. 12).

Вот он — гляди, — уставший от чужбин
Вождь без дружин.

Там все ему: и княжество, и рать,
И хлеб, и мать.

Вот — горстью пьет из горней быстрины, —
Князь без страны.

Красно твое наследие, — владей,
Друг без друзей!

15 августа 1921

Други его — не тревожьте его!
Слуги его — не тревожьте его!
Было так ясно на лице его:
Царство мое не от мира сего.

Падай же, падай же, тяжкая медь!
Крылья изведали право: лететь!
Губы, кричавшие слово: ответы!
Знают, что этого нет — умереть!

Вещие вьюги кружили вдоль жил,
Плечи сутулые гнулись от крыл,
В певчую прорезь, в запекийся пыл —
Лебедем душу свою упустил!

Зори пьет, море пьет, — в полную сыть
Бражничают. — Панихид не служить!
У навсегда повелевшего: быть!
Хлеба достанет его накормить!

15 августа 1921

Не проломанное ребро —
Переломленное крыло.

Не расстрельщиками навывел
Грудь простреленная. Не вынуть

Этой пули. Не чинят крыл.
Изуродованный ходил.

Цепок, цепок венец из терний!
Что усопшему — трепет черни,

Женской лести лебяжий пух...
Проходил, одинок и глух,

Замораживая закаты
Пустотой безглазых статуй.

Лишь одно еще в нем жило:
Переломленное крыло.

Между 15 и 25 августа 1921

Первые два из приводимых нами стихотворений помечены в рукописи: «9-й день» (т. е. девятый день после смерти Блока — день поминовения усопшего в православной традиции).

Прозаические высказывания Цветаевой в связи с кончиной Блока см.: Марина Ц в е т а е в а. Избранные произведения. М. — Л., 1965, с. 736. См. также работу А. Саакянц «Марина Цветаева об Александре Блоке» — сб. «В мире Блока». М., 1980, с. 416—440.

Царство мое не от мира сего — евангельская цитата (Иоан., XVIII, 36).

Марина Цветаева. «Останешься нам иноком...» <неоконч. 1921>. — Марина Цветаева. Сочинения. М., 1980, т. 1, с. 494.

Марина Цветаева. Вифлеем. Два стихотворения, случайно не вошедшие в «Стихи к Блоку». 1. «Не с серебром пришла...»; 2. «Три царя...» <1921>. — Марина Цветаева. Ремесло. М. — Берлин, «Геликон», 1923, с. 87—88.

Дмитрий Цензор.

ПАМЯТИ ПОЭТА

Меж ветвей проглядывает просинь.
Запах ночи преисполнен грусти.
Если мы у сторожа попросим,
Он в калитку старую пропустит.

Смутны лица в полумраке кресел.
Мягок свет в зеленом абажуре.
Кто-то окна наглухо завесил,
Чтобы здесь не думалось о буре.

В эту ночь, артисты и поэты,
Мы читали, пели и затихли.
А над миром падали кометы,
Провосились огненные вихри.

Он стоял, невидящий как будто,
Мерный стих не поднимая громче.
Нам казалось: каждую минуту
Позовет нас небывалый кормчий.

Вдруг земля раскинулась полями,
Где ручьи народной крови льются.
Вдруг пахнули свежими крылами
В наши души ветры революций.

Было тихо. Раненая совесть
Нам кричала о неверной роли.
И, как будто к мужеству готовясь,
Мы в сердцах сомненья побороли.

Потому что, искренен и светел,
В дни борьбы, смятенья и раскола,
Он, встречая самый крепкий ветер,
Отзывался арфой Эола.

И — рожденья нового глашатай —
Пламенел высокими стихами
Наш поэт, с лицом афинских статуй
И большими серыми глазами.

Август 1922 года

Дмитрий Цензор. Стихотворения 1903—1938. Л., 1940, с. 111—112.

Дмитрий Михайлович Цензор (1879—1947) — поэт, автор сборников «Старое гетто» (1907), «Крылья Икара» (1908), «Легенда будней» (1913) и др. О книге «Старое гетто» Блок дал краткий отзыв в статье 1907 г. «О лирике» (V, 158); много позже, в 1919 г., Блок довольно подробно разобрал рукопись двухтомного собрания стихотворений Цензора, критически отозвавшись о «богемной» поэзии, к которой тот себя причислял, но отметив, что автор «чист душой и, главное, что временами он поэт, как птица, хотя и хуже птицы; видно, что ему поется, что он не заставляет себя петь» (VI, 335).

Дм. Цензор оставил краткие воспоминания о встречах с Блоком («Ленинград», 1946, № 5, с. 19). Облик Блока, нарисованный в этих воспоминаниях, почти совпадает с последними строками приводимого стихотворения: «Это был стройный, с открытым, безусым лицом, напоминающим черты античной скульптуры, молодой человек с большими серыми глазами».

Саша Черный. Памяти А. Блока («В аду томился серафим...»). — «Жар-птица», Берлин, 1921, № 2, с. 37 (подп.: А. Ч.).

Ф. Шипулинский. Над могилой («Надо душу омыть голубою волной...»).— ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 35, л. 5 (датировано: 15.VIII (1921)).

Мария Шкапская.

А. А. Кублицкой-Пиоттук

— Что ты там делаешь, старая мать?
— Господи, сына хочу откопать...
— Старая мать, неразумная мать,
Сын твой в садах Моих лег почивать.

— Господи, рада бы в землю я лечь,
Да будет ли радость чаянных встреч?
Сможешь ли землю заставить опять
Матери милое тело отдать?

— Господи, я только старая мать,
Надо бы прежде меня было взять.
— Будет твой срок и исполнится день,
Смертная к сердцу наклонится тень.

— Дух его — Мне, а земле только плоть.
Надо земное в себе обороть.
Что ж ты там делаешь, старая мать?
— Господи, сына хочу откопать.

«Бюллетени Дома искусств», Берлин, 1922, № 1/2, с. 6. Вторично, с некоторыми разночтениями и без посвящения — в сборнике Шкапской «Барабан строгого господина». Берлин, «Огоньки», 1922, с. 26—27.

О М. М. Шкапской см. выше в наст. публикации. Стихотворение посвящено матери Блока. Тема матери, оплакивающей умершего ребенка, — одна из основных тем поэзии Шкапской; см., в частности, ее сборник «Матер dolorosa» (Пг., 1922), почти целиком посвященный этой теме.

Евгений Шкляр. Светлой памяти А. Блока («Угас учитель!.. Не дано нам...»).— «Эхо», Ковно, 1921, № 194, 18 августа.

И. Шумский. «Не раз, не раз умрет заря...» (Памяти А. Блока).— И. Ш у м с к и й. Разноцветы. Солигалич, 1923, с. 6.

Атана Юрим. Пророк. Александру Блоку («Слеп. Глух. Не препоясан временем...»).— ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 35, л. 26—27.

III. ПОЗДНЕЙШИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ О БЛОКЕ

(в хронологическом порядке)

Лидия Брюллова.

А. БЛОКУ

Что в том, что мы чужие, что с тобой
При встречах мы почти не говорили,
Что ты ничем мне душу не открыл?

Я по мостам стихов перехожу,
Вхожу в твой дом, гляжу в твою любовь,
И сердце мне твое кричит: «Смотри,
Смотри,— какая жизнь, какая мука!»

О радость горькая — держать в своих руках
Трепещущее, жаркое от крови,
Кричащее от боли и любви
Живое человеческое сердце! 1 января 1923

ГПБ, ф. 625 (С. Э. Радлов), № 747, л. 9 об.

Лидия Павловна Брюллова-Владимирова (1886—1954) — поэтесса; была близка к кругу журнала «Аполлон» в первые месяцы его существования. Мать известного детского поэта Юрия Владимирова (1908—1931).

Сергей Городецкий.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

Вчера, на вьюге, средь жемчужной
Снежинок радостной возни
С улыбкой нежной и недужной
Со мною рядом он возник.

Все та же русская дорога
Ухабами вздымала даль.
Ямщик над ключей злился:— Трогай!
И взвизгивали провода.

Метели пьяная охапка
В ногах крутилась колесом,
Его барашковая шапка,
Чуть сдвинутая на висок,

Перчатки, постучь, голос, облик —
Все, все как прежде, как всегда.
И только взор лучами облил,
Каких я в жизни не видал.

Обычное рукопожатье,
Литературный разговор.
— Опять предательствуют братья,
И критики стрекочут вздор.

Лудили острые пылинки
Околош шапки в серебро.
— Ну, как понравились поминки?
— Могила славе нашей впрок.

— Ты знаешь, переводит турок
Мамед Эмин твои стихи.
— Да, но у нас литература
Еще в плену годов глухих.

— Но знаешь ты, что зреют зерна,
Тобой посеянные в нас.
И песней, новой и просторной,
В стихах провела весна.

— Всегда ты прытким оптимистом
Был... Вихрем взвизгнула метель.
И он прислушался лучисто,
Что спела व्यюжная свирель.

И недопетых песен гнетом
Болезненно нагрузнул лоб.
А в голос бури, к снежным нотам,
Звучанье солнца протекло.

Полночный вихрь в лицо летел нам,
Но пламя чудилось за ним.
К кремлевским подошли мы стенам,
К могилам мертвых ледяным.

Он шапку снял. — Прощай. Пора мне.
Сжег губы братский поцелуй.
И за высоким черным камнем
Укрылся в снеговую мглу.

И тотчас от реки зарею,
Ручьями, солнцем, синевой
Забунтовало под горою
Весны внезапной торжество.

И поднялось, и налетело
Счастливей звезд, страшнее сна,
Как будто дух свой, песню, тело —
Все отдал он, любимый, нам.

1923

«Стык», первый сборник стихов Московского цеха поэтов. М., 1925, с. 63, в составе цикла «Стихи ушедшим». В сборнике Городецкого «Грань» (М., 1929, с. 40—42) — в составе цикла «Александру Блоку», вместе со стихотворением «Измучен терном горькой славы...» (1921; см. отсылку выше в наст. публикации).

Важнейшие разночтения в первой публикации сравнительно с текстом сборника «Грань»:

Последняя строка шестой строфы:

— Нахальство! Даже Белый врет.

Между седьмой и восьмой строфами:

Сумятица и разногласье,
Ты помнишь, как в восьмом году.
Поэты на хребте пегасьем
Бескрылой мухою бредут.

Изменения во второй публикации сравнительно с первой объясняются, по-видимому, тем, что в 1929 г. Городецкий нашел не вполне тактичным вкладывать в уста Блока некоторые из своих собственных оценок литературной современности.

Мамед (Мехмет) Эмин-бей (1869—1944) — турецкий поэт и политический деятель, республиканец. Его переводы из Блока неизвестны (см. Сергей Городецкий Стихотворения и поэмы. Л., 1974, с. 590).

Н. Берендгоф. Сонет А. Блоку («На облаках повисла память смутно...»). — Н. Берендгоф. Доктор Ночь. М., 1924, с. 11.

Александр Кочетков.

ПОЭТ

Памяти Блока

Он был надменен и высок,
Лицом девичьим смугло-розов.
На золотом огне морозов
Он кудри легкие ожег.

Он был угрюм и тверд, как сталь,
Смотрел вокруг холодным взглядом.
В глазницах, опаленных адом,
Ютилась звездная печаль.

Он был покорен и согбен,
Туманный взор блуждал без цели.
Бескровным пламенем Метели
Был легкий лик осеребрен.

И, наконец, он был... никем.
Его душа к земле ослепла,
Он был — остывшей грудой глеpla
Да свитком ангельских поэм.

Кисловодск. 3 апреля 1924

«Лит. обозрение», 1980, № 10, с. 99.

Александр Сергеевич *Кочетков* (1900—1953) — поэт и драматург; принадлежал к ближайшему окружению Вячеслава Иванова, когда тот в 1920—1924 гг. жил в Баку. С оригинальными стихами выступал в печати редко (см., напр., альманах «Золотая зурна», Владикавказ, 1926, с. 7—22); публиковал преимущественно переводы из немецких и восточных классиков. Из его посмертно опубликованных сочинений особенную известность получила «Баллада о прокуренном вагоне» (впервые — «День поэзии», М., 1966, с. 298, публикация Л. А. Озерова).

Игорь Северянин.

БЛОК

Красив, как Демон Врубеля, для женщин
Он лебедем казался, чье перо
Белей, чем облако и серебро,
Чей стан дружил, как то ни странно, с френчем...

Благожелательный к меньшим и меньшим,
Дерзал — поэтно — видеть в зле добро.
Взлетал. Срывался. В дебрях мысли брел.
Любил Любовь и Смерть, двумя увенчан.

Он тщетно на земле любви искал.
Ее здесь нет. Когда же свой оскал
Явила смерть, он повял: — Незнакомка...

У рая слышен легкий хруст шагов:
Подходит Блок. С ним — от его стихов
Лучающаяся — странничья котомка...

1925

Игорь Северянин. Медальоны. Белград, 1934, с. 13.

Об Игоре Северянине и отношении Блока к нему см. выше в наст. публикации. Сборник Северянина «Медальоны» представляет собой цикл «портретов в сонетах» деятелей русской и зарубежной культуры.

М. Гинзбург. Пушкин — Блок («На фоне зелени и неба монумента...»). — М. Гинзбург. На восток. Л., изд. автора, 1926, с. 17—20.

Сергей Городецкий. Могила поэтов («Гранитный гроб Невы и Невок...») (1926). — Сергей Городецкий. Грань. М., 1929, с. 65—68 (Блоку посвящены строфы 10—12, с. 66—67).

Ник. Истомин. Памяти Блока (К пятилетию со дня смерти) («Бледный лоб и грустные глаза...»). — «Сегодня», Рига, 1926, № 255, 11 ноября.

Борис Ковынев. Памяти Александра Блока («В вечерний час, задумавшись глубоко...»). — «Заря Востока», Тифлис, 1926, 7 августа.

Lolo (Л. Г. Мунштейн). Две души («Заблудившись, точно дети в сказке...»). — «Сегодня», Рига, 1926, № 180, 15 августа (стихотворение посвящено памяти Блока и Леониды Андреева).

Арсений Формаков. Тихая чтица («С каждым годом родней и строже...»). — «Слово», Рига, 1926, № 231, 8 августа.

Сергей Штейн. Памяти Александра Блока («Я помню тебя, как сегодня...») (8 августа 1926). — «Последние известия», Ревель, 1926, № 181, 15 августа.

В. Маяковский. Хорошо (Октябрьская поэма), гл. 7, стихи 972—1085 («В такие ночи, в такие дни...») (1927). — «Красная новь», 1927, № 8, с. 81—84.

Николай Панов. Баллада об ушедших («Подернутые крепом имена...»). — Николай Панов (Д. Туманный). Человек в зеленом шарфе. Вторая кн. стихов (1924—1927). М., «Федерация», 1928, с. 32—33 (Блоку посвящена первая строфа баллады).

В. Саянов. Надпись на книге поэта-символиста («В час последней тоски и отчаянья...»). — В. Саянов. Собр. стихотв., т. 1. М. — Л., ГИХЛ, 1931, с. 114—116.

Александр Сергеев. Блок (июнь 1931). — Архив АН СССР, ф. 739 (Менделеев), оп. 1, ед. хр. 14.

Эдуард Багрицкий.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

От словословий ангельского сброда,
Толпящегося за твоей спиной,
О Петербург семнадцатого года,
Ты косолапой двинулся стопой.
И что тебе прохладный шелест крылий,
Коль выстрелы мигают на углах,
Коль дождь сечет, коль в ночь автомобили
На нетопырях мечутся крылах.
Нам нужен мир! Простора мало, мало!
И прямо к звездам, в повсест ветровой,
Из копоши, из сумерек каналов
Ты ржешь восходяшь головой.
Былые годы тяжко проскрипели,
Как скарбом нагруженные возы,
Засыпал снег цевницы и свирели,
Но нет по ним в твоих глазах слезы.
Была цыганская любовь и синий,
В сусальных звездах, детский небосклон.
Все за спиной.
Теперь слепящий иней,
Мигающие выстрелы и стон,
Кронштадтских пушек дальние раскаты.
И ты проходишь в сумраке сыром,
Покачивая головой кудлатой
Над черным адвокатским сюртуком.

И над водой у мертвого канала,
Где кошки мрут и пляшут огоньки,
Тебе цыганка пела и гадала
По тонким линиям твоей руки.
И нагадала: будет город снежный,
Любовь сжигающая, как огонь,
Путь и печаль...
Но линией мятежной
Рассечена широкая ладонь.
Она сулит убийства и тревогу,
Пожар и кровь и гибельный конец.
Не потому ль на страшную дорогу
Октябрьской ночью ты идешь, певец?
Какие тени в подворотне темной
Вослед тебе глядят в ночную тьму?
С какою ненавистью неумной
Они мешают шагу твоему.
О широта матросского простора!
Там чайки и рыбацьи паруса,
Там корифеем пушечным «Аврора»
Выводит трехлинеек голоса.
Еще дыханье! Выдох! Вспыхнет! Брызнет!
Ночной огонь над мороком морей...
И если смерть — она прекрасней жизни,
Прославленной, чем тысяча смертей.

1922, 1933

Эдуард Багрицкий. Одномомник. М., 1934, с. 21 (первоначальный вариант стихотворения — «Зритель», Одесса, 1922, № 5, август, с. 1).

Эдуард Георгиевич Багрицкий (Дзюбин, 1895—1934) — поэт, один из главных представителей так называемой «южно-русской романтической школы». О впечатлении, которое произвела на Багрицкого смерть Блока, см.: К. Паустовский. Время больших ожиданий. Одесса, 1961, с. 139—140, 143. Сохранилась звукозапись стихотворения Блока «Шаги командора» в чтении Багрицкого.

Всеволод Чешитин. После чтения «Двенадцати» Блока («Прочел... и в сердце боль а на уме вопрос...») (15 января 1933). — ЦГАЛИ, ф. 553, оп. 1, ед. хр. 1147, л. 8.

Сигизмунд Кржижановский. Радио. Работнице завода АМО, исполнявшей Шуберта, а также поэту Блоку и композитору Василенко («Девушка пела в фабричном хоре...») (30-е годы). — ЦГАЛИ, ф. 2280, оп. 1, ед. хр. 73, л. 1.

Ольга Мочалова.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

То дразнящее, то манящее,
Что волнуется в слове — жизнь,
Колокольчики тройки мчащейся
Сквозь метели, за рубежи.
То — биение нежного света,
От которого слезы и боль,
Даль весны, что не вступит в лето, —
Ускользнет, всколыхнув юдоль.

Но какой нам почет и отрада,
Что дорогой прошел полевой

Муж задумчиво-синего взгляда,
С нежно-гордою красотой.

Проводить бы его за околицу
И, — возлюбленному изменив,
С ним пройти, пусть он шуткою колетя,
Вдоль налившихся колосом нив.

На земле и на небе нет праздника,
Что бы радовать сердце мог,
Если только среди избранных
Не прошел, улыбнувшись, Блок.

(1930-е гг.?)

ЦГАЛИ, ф. 273, оп. 2, ед. хр. 1, л. 61 (в составе машинописного сборника О. Мочаловой «В разрывах туч»).

Ольга Алексеевна Мочалова (1898—1978) — поэтесса, творчески и биографически связанная с некоторыми поэтами символистского круга (М. Волошиным, Вяч. Ивановым, Г. Чулковым); автор неизданных воспоминаний «Литературные встречи» (ЦГАЛИ).

Юрий Верховский. Седьмое августа 1941 года («Ужели правда — двадцать лет...»). — «Дружба народов», 1980, № 11, с. 250 (в составе очерка Ю. Н. Верховского «В память Александра Блока. Отрывочные записи, припоминания, раздумья», 1946).

Екатерина Ровинская-Волчанецкая. «Он полон был метельного огня...» (Март 1943). — ЦГАЛИ, ф. 1463, оп. 1, ед. хр. 18 (надпись на открытке с фотопортретом Блока).

Надежда Павлович. Воспоминания об Александре Блоке. Поэма («Почти такой, как мы, но не такой...») (1939—1946). — Надежда Павлович. Думы и воспоминания. М., 1962, с. 7—40 (сокращенный вариант впервые — «Новый мир», 1946, № 7-8, с. 120—125).

СМЕРТЬ

〈заключительная глава поэмы〉

Он с каждым днем слабел, не мог дышать,
Усталое отказывалось тело,
А в Стрельные моря голубая гладь
Его звала, сияла и темнела

В последний раз, еще в последний раз
Взглянуть на мир, широкий и просторный,
Всей зоркостью открытых жадных глаз,
Еще вздохнуть глубоко и упорно.

Взял палку, встал и медленно пошел;
В последний раз летят в окне трамвая
Проспект, завод, поля, зеленый дол;
И вот блеснула синева живая.

Шуршит камыш. Младенчески волна
Бежит, смеется, плачет и лепечет,
И на сердце нисходит тишина
В благословенный этот вечер.

О, этот запах моря и земли!
Сверкает лист упругий и зеленый.
В последний раз увидеть корабли
И дальний образ матери склоненной!..

И Родину он видит в этот час:
Она встает, светла и величава,
Москва, Сибирь, Карпаты и Кавказ,
Как облаком, одеты славой.

И голос Пушкина доносится к нему,
Как шум волны, блаженный и протяжный.
Пусть этот звук торжественный и влажный
Его проводит в гробовую тьму.

Пора домой! Клонит к земле усталость,
И самого себя не превозмочь.
Он говорит, что «связь времен порвалась»,
Европу ожидает ночь.

Посеют хлеб, а вырастет железо,
И сбросит динамит аэроплан,
И будет мир окопами изрезан,
И мины закачает океан.

И Родину он видит пред собой,
Она встает, могуча и сурова,
И снова бой, великий правый бой
Бородина и поля Куликова...

Но смолкнул для поэта вещей гул,
Любовницей неверной стало слово.
Он умирал. Над желтизною скул
Глаза синели сухо и сурово.

И сидиной подернулся висок;
Он свой архив навек привел в порядок.
Все записал, иные письма сжег,
Спасаясь от ученийших догадок.

Он — Дант. в рубцах подземного огня,
Но перед смертью хрипло крикнул: —
Мама! —
Она вбежала... В бледном свете дня
Лежал он строго, вытянулся прямо.

— Ты стань сюда! — он попросил жену
Стать также рядом, и смежил оч. оч.

.....

Он в первый день лежал с таким лицом;
Как будто пал в бок и долг исполнил,
Настал покой, и вдаль уходит гром,
Лишь горизонт исчерчен блеском молний...

Так он лежал; над ним стояла мать,
Без слез, закоченевшая в молчанье,
И шли друзья, последний долг отдать
И земно поклониться на прощанье.

И, не закрыв лица, его несли
На кладбище, под сень и трепет клена,
И старики, и дети с нами шли
За этим гробом, славой озаренным.

На поднятых руках он тихо плыл
Над нескими высокими мостами,
Прохожий за прохожим подходил,
Вставал в ряды и плакал вместе с нами.

О Надежде Александровне Павлович см. выше в наст. публикации. Поэма Павлович «Воспоминания об Александре Блоке» — один из немногих в русской литературе образцов «мемуарной поэзии», сопоставимый с «Первым свиданием» Белого или «Младенчеством» Вяч. Иванова.

Приводимая глава завершает поэму. С марта 1921 г. Павлович практически не общалась с Блоком (см. «Блоковский сб.», 1, с. 494—496; ср. также VII, 420 — в этой публикации имя Павлович заменено тремя звездочками); описание последних дней Блока сделано ею со слов Е. П. Иванова и матери поэта А. А. Кублицкой-Пиоттх.

Надежда Павлович. Еще об Александре Блоке. Год 1920 («Не голодал. Пылинка сахара...») (1944). — Надежда Павлович. Думы и воспоминания. М., 1966, с. 50 (датируется по кн.: Надежда Павлович. Сквозь долгие года. М., 1977, с. 56).

Надежда Павлович. Еще об Александре Блоке. 2. («Как безнадежно просто душно...») (1944). — Надежда Павлович. Сквозь долгие года. М., 1977, с. 56—57.

Виктор Стражев. «Розы радости-страдания...» (Конец 40-х гг.). — «Лит. Грузия», 1980, № 11, с. 180.

Виктор Стражев. «Иное помним: ты нам в сердце вжег...» (Набросок; конец 1940-х годов). — ЦГАЛИ, ф. 1647, оп. 3, ед. хр. 3.

С. Н. Тутолмина. Памяти Александра Блока («Тебе пишу я, Александр Блок!») (Август 1955). — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 98.

Н. Браун. Молодость. Поэма. Гл. 7 («Туманной памяти внимая...») (1956). — Н. Браун. Стихотворения. М.—Л., 1962, с. 402—405.

Иван Новиков.

СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ

Поворотись десятки лет	Ты с нами пел в разлив сил,
И видишь: словно бы забытый—	Блестая медленно строками:
Ты снова свеж, как первоцвет,	Сердца, как землю, оросил —
Покровом времени укрытый.	Предутренними облаками.

Ты в прошлое затем глядел,	Твоя посмертная судьба,
Чтоб видеть будущего зори:	Далеким друг, не одинока:
Таков твой благодатный удел —	За правду чистая борьба —
Его никто и не оспорит!	Живой цветок поэта Блока.

1956

Иван Н о в и к о в. Под родным небом. М., 1956, с. 161.

Об И. А. Новикове см. выше в наст. публикации. Стихотворение посвящено 75-летию со дня рождения Блока.

Иван Новиков. Книжки («Стоят суровые шкафы...»). — Иван Новиков. Под родным небом. М., 1956, с. 162.

Борис Пастернак.

ВЕТЕР

(Четыре отрывка о Блоке)

Кому быть живым и хвалимым,	Но Блок, слава богу, иная,
Кто должен быть мертв и хулим,—	Иная, по счастью, статья.
Известно у нас подхалимам	Он к нам не спускался с Синая,
Влиятельным только одним.	Нас не принимал в сыновья.

Не знал бы никто, может статься,	Прославленный не по программе
В почете ли Пушкин или нет,	И вечный вне школ и систем,
Без докторских их диссертаций,	Он не изготовлен руками
На все проливающих свет.	И нам не навязан никем.

* * *

Он ветрен, как ветер. Как ветер,	И жил еще дед якобинец,
Шумевший в имении в дни,	Кристалльной души радикал,
Как там еще Филька-фалетер *	От коего ни на мизинец
Скакал в голове шестерни.	И ветреник внук не отстал.

* Форейтор в старом народном произношении (прим. авт.).

Тот ветер, проникший под ребра
И в душу, в течение лет
Недоброю славой и доброй
Помянут в стихах и воспет.

Тот ветер повсюду. Он — дома,
В деревьях, в деревне, в дожде,
В поэзии третьего тома,
В «Двенадцати», в смерти, везде.

* * *

Широко, широко, широко
Раскинулись речка и луг.
Пора сенокоса, толока,
Страда, суматоха вокруг.

Косцам у речного протока
Заглядываться недосуг.
Косьба разохотила Блока,
Схватил косовище барчук.
Ежа чуть не ранил с наскоку,
Косой полоснул двух гадюк.

Но он не доделал урока.
Упреки: лентяй, лежебока!

О детство! О школы морока!
О песни пололок и слуг!

А к вечеру тучи с востока,
Обложены север и юг.
И ветер жестокий не к сроку
Влетает и режется вдруг
О косы косцов, об осоку,
Резучую гущу излук.

О детство! О школы морока!
О песни пололок и слуг!
Широко, широко, широко
Раскинулись речка и луг.

* * *

Зловещ горизонт и внезапно,
И в кровоподтеках заря,
Как след незаживших царапин
И кровь на ногах косаря.

Нет счета небесным порезам,
Предвестникам бурь и невзгод,
И пахнет водой и железом
И ржавчиной воздух болот.

В лесу, на дороге, в овраге,
В деревне или на селе
На тучах такие зигзаги
Сулят непогоду земле.

Когда ж над большою столицей
Край неба так ржав и багрян,
С державою что-то случится,
Постигнет страну ураган.

Блок на небе видел разводы.
Ему предвещал небосклон
Большую грозу, непогоду,
Великую бурю, циклон.

Блок ждал этой бури и ветряски.
Ее огневые штрихи
Боязнию и жаждой развязки
Легли в его жизнь и стихи.

1956

Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы. М. — Л., 1965, с. 464—466 (второй, третий и четвертый отрывки — Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы. М., 1961, с. 244—246).

Об отношении Бориса Леонидовича Пастернака (1890—1960) к поэзии Блока и о его единственной личной встрече с Блоком в 1921 г. см. Борис Пастернак. Люди и положения. «Новый мир», 1967, № 1, с. 213—214. См. также публикацию заметок Пастернака 1946 г. о ранней поэзии Блока: «Пастернак о Блоке». — «Блоковский сб.», 2, с. 447—453.

Блок лишь однажды упомянул о Пастернаке, дав отзыв на выполненный им перевод стихотворения Гете «Посвящение» и поэмы «Тайны» (VI, 468—469). По словам самого Пастернака, это был «пренебрежительный, уничтожающий отзыв, в оценке своей заслуженный, справедливый» («Новый мир», 1967, № 1, с. 214). Пастернаковские переводы из Гете, подвергнутые критике Блоком, вышли в 1922 г. отдельной брошюрой (Гете. Тайны. Перевод Б. Л. Пастернака. Введение проф. Г. А. Рачинского. М., «Современник», 1922), но впоследствии ни разу Пастернаком не переиздавались.

Борис Леонтьев. Александр Блок («Обветренные щеки моряка...»). — Борис Леонтьев. Русское сердце. Рязань, 1960, с. 47—48.

Борис Леонтьев. Памяти Блока («Трамваи промчались, протенькав...») (не позднее 1960 — год смерти автора). — Борис Леонтьев. Русская песня. М., 1971, с. 47—48.

Анна Ахматова.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

Пора забыть верблужий этот гам
И белый дом на улице Жуковской.
Пора, пора к березам и грибам,
К широкой осени московской.

Там все теперь сияет, все в росе,
И небо забирается высоко,
И помнит Рогачевское шоссе
Разбойный посвист молодого Блока...

1944—1950

2.

И в памяти черной пошарив, найдешь
До самого локтя перчатки,
И ночь Петербурга. И в сумраке лож
Тот запах и душный, и сладкий.

И ветер с залива. А там, между строк,
Минуя и ахи и охи,
Тебе улыбнется презрительно Блок —
Трагический тенор эпохи.

1960 (?)

3.

Он прав — опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...
Как памятник началу века,
Там этот человек стоит —

Когда он Пушкинскому Дому,
Прощаясь, помахал рукой
И принял смертную истому
Как незаслуженный покой.

7 июня 1946

Первое стихотворение цикла впервые — Анна Ахматова. Стихотворения. М., 1958, с. 59; второе — «Лит. газета», 1960, 29 октября; третье — Анна Ахматова. Стихотворения. М., 1958, с. 60, под заголовком «Памяти Александра Блока». Цикл полностью впервые — Анна Ахматова. Стихотворения. М., 1961, с. 230—231.

...дом на улице Жуковской — в Ташкенте, где Ахматова жила в эвакуации.

Рогачевское шоссе — под Москвой, близ Шахматова; там написано стихотворение Блока «Осенняя воля» (июль 1905; II, 75).

Трагический тенор эпохи — см. в воспоминаниях Ахматовой о совместном с Блоком выступлении на поэтическом вечере осенью 1913 г.: «К нам подошла курсистка со списком и сказала, что мое выступление после блоковского. Я взмолилась: «Александр Александрович, я не могу читать после вас». Он — с упреком — в ответ: «Анна Андреевна, мы не тенора» («Звезда», 1967, № 12, с. 186). Можно предположить, что в стихотворении Ахматовой слово «тенор» употреблено не столько как название певческого голоса, сколько в смысле «исполнитель ведущей партии».

...фонарь, аптека... — переключка со стихотворением Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...» (1912).

Когда он Пушкинскому Дому... — речь идет о стихотворении Блока «Пушкинскому Дому» (1921).

Анна Ахматова

(«Поэма без героя», ч. 1, гл. 2, ст. 306—329)

Как парадно звенят полозья,
И волочится полость козья...

Мимо, тени! — Он там один.

На стене его твердый профиль.

Гавриил или Мефистофель

Твой, красавица, паладин?

Демон сам с улыбочкой Тамары,

Но такие тянутся чары

В этом страшном дымном лице:

Плоть, почти что ставшая духом,

И античный локон над ухом —

Все — таинственно в пришлеце.

Это он в переполненном зале

Слал ту черную розу в бокале

Или все это было сном?

С мертвым сердцем и с мертвым взором

Он ли встретится с командором,

В тот прокравшись проклятый дом?

И его поведано словом,

Как вы были в пространстве новом,

Как вне времени были вы, —

И в каких хрустальных полярных,

И в каких сияньях янтарных

Там, у устья Леты-Невы.

Анна Ахматова. Стихотворения. М., 1961, с. 238—239.

«Блока я считаю не только величайшим поэтом первой четверти двадцатого века, но и человеком-эпохой, т. е. самым характерным представителем своего времени», — писала Ахматова (цит. по ст.: В. М. Жирмунский. Анна Ахматова и Александр Блок. — В кн.: В. М. Жирмунский. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977, с. 325). Естественно, что в «Поэме без героя», представляющей собой как бы «синтетический портрет» эпохи, образ Блока занимает важное место. Давая портрет Блока в ореоле трагической двойственности, переплетения божественного и демонического начал, Ахматова

перекликается с Вяч. Ивановым (см. его стихотворение «Бог в лунарии» выше в наст. публикации). В приводимом отрывке из поэмы — реминисценции из ряда стихотворений Блока: «В ресторане», 1910 («Это он в переполненном зале...»); «Шаги Командора», 1912 («Он ли встретится с командором...»); «Милый брат. Завечерело...», 1906 («Как вы были в пространстве новом...»).

Подробнее об образе Блока в «Поэме без героя» см.: В. М. Ж и р м у н с к и й. Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973, с. 161—163, а также работу Р. Тименчика в кн. 4 наст. тома.

Ал. Прокофьев. Александру Блоку («Звал стихами и зови, зови...»). — «Литература и жизнь», 1961, 16 июля.

Всеволод Рождественский. Александр Блок («Шел все выше он тропами Данта...»). — Всеволод Рождественский. Русские зори. М. — Л., 1962, с. 69—70.

Вера Звягинцева.

АЛЕКСАНДР БЛОК

Забуду ли тот майский давний день,	Какое это было колдовство!
Когда в аудитории московской	С какой непрерываемою властью
Увидела я профиль, как из воска,	Бросало в дрожь, похожую на счастье,
И услышала голос горький, жесткий!..	Трагическое страстное бесстрастье
Тот день отбросил дымчатую тень	Замедленного чтения его.
На все судьбою данное потом,	Все кануло: восторги, брань и лесть...
На все грядущие десятилетия,	Кем был он — бедным рыцарем, пророком?
И не могу ее с души стереть я:	Нет, он в другом был звании высоком:
Все мысли, звуки, отзвуки, соцветья	Он назывался Александром Блоком.
С тех пор напоминают мне о нем.	Зачем я говорю: он был?

Он есть.
1963

День поэзии. М., 1964, с. 88.

О В. К. Звягинцевой см. выше в наст. публикации.

... *тот майский давний день*... — имеется в виду одно из выступлений Блока в Москве в мае 1920 г.

Николай Асеев. «Приехал Блок...» (Из незавершенной поэмы «Поэтическая панорама», начало 1960-х гг.). — Сб. «Творчество писателя и литературный процесс», Иваново, 1978, с. 140 (в статье Л. Таганова «Неизвестная поэтическая хроника Н. Асеева»).

Надежда Павлович. Шахматовские подарки («Эти ветви из старого сада...») (Октябрь 1967). — Надежда Павлович. Сквозь долгие года. М., 1977, с. 199—200.

Н. Браун. Из уст его... («Из уст его, живого, слушал...»). — «Лит. Россия», 1968, 7 ноября, с. 10.

Павел Антокольский. Вечная юность («Здесь, на этой земле благодатной...»). — «Звезда», 1970, № 11, с. 108.

Ал. Прокофьев. Александру Блоку («Из всех тропинок и дорог...»). — «Лит. Россия», 1970, 4 декабря, с. 3.

Н. Браун. «Иногда среди визга и пляса...». — Н. Браун. Вехи времени. Л., 1971, с. 150—151.

Елена Благинина.

Ты в поля отошла без возврата...
А. Блок

Я слова услышала когда-то,
Грозно канувшие в бытие:

*Ты в поля отошла без возврата,
Да святится имя Твое!*

Неужели язык, на котором
Говорим ежедневно, — такой?

И ответил мне ангельским хором:
Со святыми меня упокой!

Неужели заклятье нарушу,
Облекусь суетой и тщетой?
О, исторгни ржавую душу!
Осени меня чистотой!

Елена Благинина. Складень. Стихи. М., 1973, с. 55.

Елена Александровна Благинина (р. 1903) — поэтесса, автор многочисленных книг для детей, а также сборников лирики «Окна в сад» (1966) и «Складень» (1973). Выделенные курсивом строки — из «Вступления» ко второй книге «Стихотворений» Блока (1905; II, 7).

Надежда Павлович. «Мне снилось — с тобой мы теперь старики....» (А. Б.). — «День поэзии», М., 1979, с. 191.